

18+

Андрей Баранов

Средневолжские хроники

Андрей Баранов

Средневолжские хроники

«Издательские решения»

Баранов А.

Средневолжские хроники / А. Баранов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-566475-4

Книга прозы включает в себя два романа, рассказы и повесть, действие которых происходит в Средневолжске — типичном провинциальном центре России. Роман «Полёт бабочки» был ранее опубликован отдельной книгой.

ISBN 978-5-00-566475-4

© Баранов А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Полёт бабочки. Роман	8
Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	48
Глава 8	53
Глава 9	60
Глава 10	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Средневожские хроники

Андрей Баранов

© Андрей Баранов, 2022

ISBN 978-5-0056-6475-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Истории, рассказанные в этой книге, происходили в разные сроки, начиная с 80-х годов прошлого века, и вплоть до 20-х годов века нынешнего. Место действия большинства из них – не существующий на географической карте город Средневожск, в котором, однако, приглядевшись, можно различить черты моего родного Ульяновска, где я провёл почти сорок лет своей жизни.

В романах, повести и рассказах, собранных в сборник, действуют персонажи, напоминающие тех людей, с которыми меня сводила судьба, и всё-таки – они плоды художественного вымысла. Совпадения имён, обстоятельств и характеров, если кому-то покажется, что они имеют место, – на самом деле чисто случайны. В мои намерения не входило описать конкретных людей из своего окружения – напротив, я стремился к тому, чтобы нарисовать картину жизни провинциального русского города, узнаваемую для любого человека, жившего в подобных городах в очерченный хронологическими рамками произведений период времени.

Разумеется, присутствуют в книге и столицы – куда же в России без столиц? Москва и Петербург влекут к себе провинциала, тысячи людей из провинции стремятся сюда в поисках лучшей жизни и самореализации. Не всем везёт. Многие, разочаровавшись, возвращаются к родным пенатам, но кто-то и остаётся, вплетая негромкие партии своих неповторимых судеб в многоголосье столичных симфоний.

Герои книги вместе со страной переживают все катаклизмы, которыми так богата наша недавняя история: распад великой страны, приход нового экономического и политического уклада, потерю прежних смыслов и ценностей, напряжённые поиски точки опоры в разрушающейся вселенной. Тешу себя надеждой, что читатель старшего поколения приметит в описываемых событиях коллизии, происходившие с ним самим, а в мыслях и поступках героев узнает свои собственные или близких людей и знакомых, молодым же людям будет, наверное, небезынтересно понаблюдать, чем жили их родители.

Сюжеты предлагаемых произведений никак не связаны между собой, их герои, живя в одном времени и в одном пространстве, за редким исключением, не пересекаются, и всё же есть то, что скрепляет все эти тексты и даёт мне право объединить их под общей обложкой – это образы великой русской реки Волги, на берегах которой разворачиваются события, и старинного русского города, вознёсшегося на крутом берегу над этой рекой. Читатель узнает вузы, в которых учатся герои, предприятия и учреждения, в которых они работают, улицы, по которым они ходят. Именно поэтому я и решил назвать книгу – «Средневожские хроники», подчеркнув важность места действия для формирования и развития характеров действующих лиц. Встречаясь в институтских коридорах, гуляя парковыми аллеями, путешествуя по волжским просторам эти люди могли бы окликнуть друг друга, познакомиться, стать друзьями, но не случилось, не окликнули, не познакомились – остались герметично замкнутыми в рамках своих произведений. Из этого правила есть лишь одно исключение, которое внимательный читатель, я уверен, легко отыщет в этой книге и без моей подсказки.

Все тексты, включённые в сборник, написаны мной в последние три года, но без преувеличения можно сказать, что я писал их всю жизнь, только в предыдущие годы, полные житейских неурядиц и напряжённой на износ работы, у меня не было достаточно сил и времени, чтобы засесть за эти тексты – жизненные наблюдения записывались мною в виде стихов и дневниковых заметок – и только получив, наконец, достаточный досуг, я смог выплеснуть пережитое в виде прозаических произведений.

Очень хочется верить, что литературный труд был предпринят мной не напрасно, и книга найдёт, несмотря ни на что, верную дорогу к сердцу читателя. Пусть хотя бы и одного един-

ственного. В конечном счёте, разве не ради этого единственного читателя мы и живём на белом свете?

Москва, июнь 2022 г.

Полёт бабочки. Роман

Пролог

Перед войной Пётр Иванович Семёнов, майор Красной Армии, жил с женой Валентиной и сыном Серёжей в просторной комнате с высокими потолками в доме комсостава в маленьком городке недалеко от старой границы СССР. В первые дни войны его часть выдвинулась в сторону фронта. Семья оставалась в глубоком и безопасном тылу. Кто мог предположить, что меньше чем через неделю городок станет прифронтовым, и его начнёт методично бомбить немецкая авиация?

Валентина помнила эти бомбёжки до последних дней жизни. Когда по телевизору показывали самолёты с тевтонскими крестами под аккомпанемент свистящих бомб и рокочущих взрывов, она всегда уходила в другую комнату, чтобы не видеть, не слышать, не вспоминать.

Как-то во время одного из налётов, Валя с сыном Серёжей, которому только-только исполнилось девять лет, сидела в щели – простейшем укрытии от авиабомб, представлявшем из себя яму глубиной два с половиной метра и шириной один метр. В небе кружили немецкие бомбардировщики. Слышался вой моторов, свист бомб, лай зениток, время от времени земля содрогалась всеми своими корнями, травами, дождевыми червями, личинками жуков и всё это осыпалась по стенам щели к ногам маленького Серёжи. Бомбили здание школы неподалёку – там располагался полевой госпиталь. Бомбы ложились настолько близко, что люди, сидящие в щелях, слышали пронзительный свист каждой смертоносной посылки, рвущейся к земле, и по звуку разрыва примерно понимали, где она взорвалась.

В какой-то момент Валентине вдруг стало не по себе – она почувствовала, что не может больше оставаться на месте и попросила сына:

– Давай перебежим в другую щель!

– Ты что, мамочка, – удивился Серёжа, – смотри, как бомбят – не добежим!

– Нет, мы всё-таки уйдём отсюда, – решила Валентина, взяла сына за руку и решительно приказала:

– За мной!

Было страшно вылезать из укрытия на открытое пространство, где то и дело вздымались к небу земляные фонтаны новых разрывов, но не оставлять же маму одну! И Серёжа побежал вслед за ней. Им повезло. Пока они пересекали пространство до соседней щели, ни одной бомбы не разорвалось поблизости. Они скатились в новое укрытие, где уже сидели люди, но в тесноте – не в обиде! И тут землю сотряс такой удар, перед которым все предыдущие показались только разминкой: казалось, что земля сначала поднялась у них под ногами, а затем ухнула в какую-то бездонную яму, это землетрясение сопровождалось нестерпимым, разрывающим барабанные перепонки звуком, на секунду стало темно, и в следующее мгновение откуда-то сверху на всех сидящих в щели посыпались тяжёлые комья сырой, чёрной земли.

Когда прозвучал сигнал отбоя и жители дома стали выбираться из укрытий, на месте одной из щелей, той самой, из которой убежала семья Семёновых, зияла огромная чёрная воронка.

Мать с сыном долго не могли сдвинуться с места, как зачарованные, глядя на вывернутые ошмётки глины, на лёгкий дымок, поднимающийся от земли, на поваленные по кругу молодые берёзки. От воронки шёл запах земли и ещё чего-то кисло-горького, напоминавшего запах прогоревшего костра. Мысль о том, что, если бы они не убежали из щели, сейчас от них не осталось бы даже мокрого места, вспыхнула в голове мальчика с беспощадной очевидностью, и от этого ему сделалось по-настоящему страшно.

Это воспоминание стало одним из самых ярких воспоминаний его жизни. Им он делился потом с лучшими друзьями, со своей будущей женой, а когда его сын Павлик достаточно подрос, рассказал этот случай и ему.

– Знаешь, что меня поразило тогда больше всего? – спросил он сына-подростка.

– Не знаю. Что? – поинтересовался сын, ожидая услышать что-то ещё более захватывающее.

– Что над этой воронкой, которая чуть не стала нашей могилой, как ни в чём не бывало кружила огромная разноцветная бабочка, такая красивая, каких я раньше никогда не видел.

Глава 1

Первое, что увидел Павел, приоткрыв глаза, был золотистый конус солнечного луча, наискосок перечёркивающий комнату. Внутри конуса вращались миллионы мельчайших пылинок, сверкая на солнце, словно звёзды и планеты бесконечных разбегающихся галактик. Вдруг подумалось, что на каждой планете-пылинке есть свои материки и океаны, там живут неведомые народы, шумят диковинные города, в городах живут люди, они рождаются и умирают, страдают и любят, строят дома, переплывают свои бескрайние океаны, пишут стихи.

А что если и наша Земля – такая же пылинка в луче света, пронизывающем мироздание? Кто-то сейчас, наверное, проснувшись утром, смотрит на неё, не замечая в потоке микроскопических пылинок, и думает нечто подобное. Он никогда не увидит меня – я для него слишком мал, но и я никогда его не увижу – он для меня слишком велик. Мы никогда не увидимся ещё и потому, что моя пылинка вот-вот упадёт на книжную полку, смешавшись с миллионами других ранее погибших планет. За то время, пока она кружит в воздухе, на ней сменятся сотни эпох, возникнут и разрушатся империи, расцветут и увянут религии, будут изобретены и утрачены хитроумные технологии – пройдут сотни тысяч лет, а у того из ярко освещённой комнаты пройдёт лишь пара минут, пока он валяется в кровати и смотрит на этот светоносный поток.

Как хороши эти призрачные минуты между сном и пробуждением, когда можно вот так полежать, никуда не торопясь, немного пофантазировать бог весть о чём! Павел полежал ещё немного, а потом вдруг сжался пружиной и вмиг выстрелил из недр тёплой постели, попутно сбрасывая одеяло и избавляясь от последних туманных грёз минувшей ночи.

Он подошёл к окну и распахнул занавески. Конус луча моментально исчез, растворившись в полноводной реке яркого сентябрьского утра. Из приоткрытой форточки дохнуло хрустальным осенним воздухом, начинающим пахнуть прелой листвой.

На кухне его дожидался завтрак, заботливо приготовленный мамой перед уходом на работу: на плите в эмалированной кастрюле укутанная тёплой шалью томилась каша «дружба», в тарелке под вафельным полотенцем прятались бутерброды с докторской колбасой.

Привычным жестом Павел щёлкнул тумблером трёхпрограммного радио над столом, и из динамика зазвучал бодрый пионерский марш:

Взвейтесь кострами, синие ночи,
Мы, пионеры, – дети рабочих.

Начинался новый день, а с ним новые встречи, дела и события.

Во дворе Павла уже ждал Игорь. Они дружили с детства, росли в одном дворе, сидели за одной партией, а теперь учились в одном институте, и даже на одном факультете – историческом.

Внешне друзья были очень разными. Павел – высокий, ширококостный, белобрысый и сероглазый, немного увалень, немного замедленный в движениях; Игорь – на полголовы ниже Павла, тоньше в кости и уже в плечах, с копной густых тёмных волос, жгучими восточными глазами и кипучей энергией, которая фонтанировала из него, как искры новогоднего фейерверка.

При всей несхожести характеров друзей держали вместе похожие взгляды на жизнь и общие интересы. Оба любили поэзию Маяковского и самодеятельную песню, увлекались политикой, активно работали в институтском комитете комсомола, летом ездили в стройотряды. Но крепче общих интересов их держало общее прошлое.

Подружились они при весьма необычных обстоятельствах, когда учились ещё в начальной школе, в самом конце третьего класса, в мае. Павлик с семьёй только-только переехал в новый дом, и пошёл в ближайшую школу, где у него не было пока друзей.

Однажды солнечным майским утром мама разбудила его, как обычно, в половине восьмого. Времени как раз хватало, чтобы умыться, одеться, позавтракать – и ровно в восемь выйти на улицу. Дальше – минут пятнадцать спокойным ходом – и ты в школе, как раз к началу занятий. Всё было выверено и рассчитано до минуты.

Вот и в этот раз ровно в восемь Павлик был уже на улице и медленно побрёл в сторону школы. Он шёл мимо молчаливых, ещё не проснувшихся домов, было хорошо и покойно, ноги сами несли его недавно изученным маршрутом, а в голове крутились обрывки ночных сновидений.

Но чем дальше он шёл, тем больше его охватывала какая-то смутная тревога. Сначала он не мог понять её причину – вроде всё как всегда: панельные дома, подъезды с загнутыми вверх козырьками, детская площадка, кусты акации, покрытые нежной майской зеленью, буйство одуванчиков вокруг – и что-то всё-таки не так. Но что?

И тут Павлика осенило – люди! Где люди? Обычно в это время с ним в сторону школы двигалось много людей: мальчишки и девчонки, учителя, родители, ведущие за руку первоклассников. Мамочки с колясками и карапузами в них, наоборот, двигались навстречу, поскольку ясли-сад находился в противоположной стороне. Открывались и закрывались двери подъездов, изредка проезжал какой-нибудь «Москвич» или «Запорожец». А теперь – никого! Безлюдный двор, молчаливые дома!

Он осторожно подошёл к зданию школы. Чувство нереальности происходящего всё усиливалось, и он уже опасался, что школа может исчезнуть, как заколдованный замок из волшебной сказки. Но ничего – школа стояла на своём месте. Павлик потянул дверь – дверь не заперта, вошёл в просторный холл, из которого вверх бежала лестница. Обычно лестница кишела мальчишками и девчонками, а под ней всегда сидела добрая баба Маша, приветливо улыбающаяся шумной детворе. Но сейчас – ни бабы Маши, ни детворы – никого!

Павлик поднялся по гулким ступеням и по широкому школьному коридору дошёл до своего класса. Там он повторил эксперимент с дверью – дверь и здесь оказалась не заперта. Он вошёл в класс. Через высокие ячеистые окна лился яркий свет майского утра, он лежал золотыми пятнами на партах, на стенах, на учительском столе. Класс поражал невиданной пустотой и незаселённостью.

Он прошёл к своему месту, снял ранец и повесил его на крючок сбоку у парты. Сел. Ещё раз обвёл глазами пустынный класс – и разревелся, громко, по-детски, когда всхлипы душат тебя и ты не можешь вдохнуть.

Павлик почему-то решил, что все люди погибли! Что ночью случилось что-то страшное, например атомная война, о которой тогда так много говорили. Радиация от атомного взрыва дошла до Средневожска – и все умерли. Все до одного! По непонятной причине остались только он и мама. Может быть, их квартира оказалась каким-то образом защищена от радиации? А что случилось с папой, который в это время был в командировке?

Павлику стало вдруг ужасно жалко всех – и папу, и свою учительницу, и одноклассников, даже самых отчаянных драчунов и злоязыких девчонок, которых он совсем не любил и даже побаивался – даже им он готов был простить все обиды, лишь бы и они каким-то чудом выжили! Наверное, с тех пор он никогда так не любил человечества и не чувствовал с ним такую неразрывную родственную связь!

Он плакал навзрыд и не мог остановиться. Слёзы душили его, лёгкие разрывались от судорожных попыток вдохнуть воздух – и вдруг дверь класса распахнулась, и в неё вошёл Игорь!

Как он обрадовался ещё одному выжившему человеку! Так он радовался, наверное, только маме, когда она возвращалась с работы. Павлик, гуляя вечером возле дома, замечал её ещё в самом конце переулка и мчался навстречу со всех ног, не чувствуя веса собственного тела, со всего размаха врезался в неё, охватывал полные бёдра и прижимался к тёплому животу. Сейчас нечто подобное он совершил по отношению к Игорю, причём так судорожно и стремительно, что Игорь чуть не упал, но смог удержаться на ногах, привалившись к стене, а потом удивлённо спросил:

– Ты чего?

Сквозь всё ещё душашие его всхлипы, Павлик с трудом спросил:

– Игорь, где все?

– По домам сидят, чай пьют, в школу собираются, а ты чё так рано заявился? Не спится что ли? Я-то обычно так прихожу – родители рано на работу уезжают, а нас с братом из квартиры выпроваживают, чтобы мы в школу не опоздали.

– А сколько сейчас времени?

– До уроков ещё целый час!

Так всё счастливо разрешилось. Оказалось, мама случайно поставила часы на час вперёд, над чем потом они с папой очень долго смеялись. Павлу было не до смеха. Но детские страхи постепенно развеялись, а этот день навсегда остался в памяти Павла. День, в который они с Игорем стали закадычными друзьями.

Институт находился не то чтобы близко, но и не особенно далеко от их двора. Можно было, конечно, поехать и на трамвае, но они предпочитали ходить пешком, хотя быстрым шагом это занимало не меньше получаса. Зато пока они шли, они успевали обсудить много общих тем. Одним из любимых развлечений друзей было обсуждение разных уличных происшествий, а также людей и предметов, попадавших им на глаза.

Недавно на брандмауэре девятиэтажного здания во всю его ширину и высоту повесили гигантский щит с изображением Брежнева. Леонид Ильич сверкал всеми своими золотыми звёздами на фоне герба СССР. Надпись на плакате гласила «Благо народа – высшая цель партии!»

Сотни горожан проходили мимо плаката, и никто не придавал ему особого значения. Но наши друзья не могли пропустить такую тему для разговора.

– Это смутно мне напоминает сталинских времён забытый культ, – увидев плакат, тихонько промурлыкал Игорь на мотив известной песни Высоцкого.

– В худших его проявлениях, – с пол-оборота завёлся Павел. – Старик, по-моему, совсем выжил из ума – каждую неделю вешает себе на грудь какой-нибудь новый орден. Неужели никто не замечает этого безобразия?

– Да нет, все замечают, но всем глубоко наплевать. Равнодушные – паралич души, как сказал Антон Павлович Чехов. Наше общество – общество паралитиков, – Игорь в своей привычной манере попытался свести всё к шутке.

– Но ведь с этим надо что-то делать! – не унимался Павел. – Если бы большевики в начале века сидели сложа руки, никакой революции не было бы!

– Ты что, предлагаешь организовать новую революцию? – рассмеялся Игорь.

Но Павел был предельно серьёзен:

– А почему нет?

– Интересно, за что будем бороться? Партия большевиков уже у власти – продолжал хохмить Игорь.

– Партия сейчас уже не та, – возразил оппонент, – люди вступают в партию, просто, чтобы делать карьеру, получать разные мелкие подачки... Партия стала заповедником конформистов. Вот в комсомоле много нормальных неравнодушных людей. Хорошо было бы собрать их вме-

сте! Слушай, а давай создадим дискуссионный клуб! Будем встречаться, спорить, обсуждать проблемы, анализировать современную ситуацию.

– И что изменится от того, что мы потрепем языками? – Игорь по-прежнему был настроен саркастически.

– Но надо же с чего-то начинать! Давай хотя бы попробуем! – почти обиделся на него Павел, и друг, подумав, согласился:

– Ладно, давай попробуем!

Заседание комитета комсомола началось как всегда в четыре.

Председательствовал освобождённый секретарь – Миша Рогов. Миша закончил институт лет пять назад, носил в кармане партийный билет, но из комсомольского возраста ещё не вышел и потому имел полное право возглавлять комсомольскую организацию.

Члены комитета сидели вокруг большого прямоугольного стола в специальной комнате для заседаний, примыкавшей к кабинету Рогова, какому там кабинету – маленькой комнатке три на четыре с одним письменным столом, парой стульев и креслом для посетителей. «Каморка папы Карла» – шутя называли студенты кабинет Рогова, имея в виду не только героя известной сказки Алексея Толстого, но и основателя научного коммунизма Карла Маркса, портрет которого был единственным украшением комнатки.

В отличие от каморки председателя комната для заседаний была достаточно просторной. Помимо стола, вокруг которого сейчас сидели комитетчики, здесь громоздилось несколько шкафов с собранием сочинений Ленина, юбилейными альбомами, кубками и призами. Под стеклом рядом с бюстом вождя мирового пролетариата хранилось знамя комсомольской организации. На стенах между шкафами висели стенды с орденами и историей ВЛКСМ. В углу на маленьком столике красовалась гордость комитета – электрическая пишущая машинка «Оптима 202».

Заседание проходило чётко по повестке: итоги уборки картофеля, подготовка к смотру первокурсников, празднование очередной годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. Комитетчики отчитывались, слушали своих товарищей, задавали вопросы, голосовали. Маша Савельева, тихая худенькая девушка в больших очках, как всегда, вела протокол.

Самое обычное рутинное заседание. Оно ничем не запомнилось бы, как не запомнились десятки других заседаний, проходивших по два-три раза в месяц, если бы не последний вопрос повестки дня – «Разное».

– Мы с Игорем предлагаем открыть в нашем институте дискуссионный клуб с условным названием «Ленинская чистка», – когда дошли до «Разного», начал делиться своей идеей Павел, – все мы знаем, что в последнее время в нашей жизни распространилось много негативных явлений: потребительство, бюрократизм, аморальное поведение. Мы привыкли называть эти явления «пережитками капитализма», но ведь с момента революции прошло уже больше шестидесяти лет, а эти явления не только не исчезают, но и разрастаются. В чём причина? Наша гипотеза состоит в том, что мы подзабыли некоторые основополагающие марксистско-ленинские идеи. Нужно вернуться к прочтению классиков, сопоставить их теоретические положения с практикой наших дней и понять, что мы делаем не так, чтобы очиститься от ошибок, которые мешают нам двигаться вперёд.

Выступление Павла произвело на членов комитета неприятное впечатление. В комнате повисла тишина. Комитетчики не знали, как отнестись к этой затее. Никого из них не волновали проблемы марксистско-ленинской теории, а уж тем более в применении к реальной жизни. Теория сама по себе, а жизнь сама по себе – это было для юных карьеристов совершенно очевидно, хотя они никогда не произнесли бы такую ересь вслух. Они выжидательно смотрели на Михаила – что скажет главный?

Для Михаила предложение стало досадной неожиданностью. «Дурачьё, – подумал он, – лучше бы посоветовались сначала со мной», а вслух сказал:

– Интересное предложение, ребята. Оставайтесь после заседания, и мы его подробно обсудим.

После заседания Михаил провёл друзей в «камерку папы Карла», включил в сеть дюралюминиевый электрический чайник, предложил располагаться, кому как удобно, и боком протиснулся к своему столу.

– Ну и задачку же вы мне задали, ребята, – начал он, повздыхав, – все нормальные студенты требуют дискотеки, клубы интернациональной дружбы, а вы вон чего удумали – дискуссионный клуб им подавай! Думаете, кто-то придёт в ваш дискуссионный клуб?

– Смотря какие темы мы будем поднимать? – возразил Павел.

– Ну, и какие же, например, темы?

– Мы обсуждали уже с Игорем первое заседание. Давайте посвятим его проблеме государства. Так и назовём «Отмирание государства: за и против». Сопоставим ленинские идеи с реальным положением вещей. Разберёмся, что неладно в нашем государственном устройстве.

– Ну и что же неладно в нашем государственном устройстве? – насторожился Михаил.

– Так для этого дискуссия и проводится! – бросился выручать друга Игорь, – нам всем вместе надо с этим разбираться!

– Ребята, вы это серьёзно? – секретарь в недоумении хлопнул себя ладонями по ляжкам, – вы хотите, чтобы у меня забрали партбилет, а вас исключили из комсомола? Кто в здравом уме и твёрдой памяти позволит обсуждать такие вопросы, когда все ответы даны в партийных документах? Я вас очень ценю и считаю вас отличными комсомольцами, может быть, лучшими комсомольцами в институте, но, ей богу, эта ваша затея совсем не к месту и не ко времени. Советую вам как друг – бросьте вы эту фигню!

Чайник тем временем зашумел, и из носика повалил столб пара.

– Вот и чай поспел, – обрадовался Михаил, отделил шнур от дюралюминиевого корпуса и залил кипяток в заварочный чайник, – сейчас чайку попьём с сушками!

– Облом! – с досадой сказал Игорь, как только они вышли из комитета комсомола.

В коридоре их поджидали Римма и Ната – две девушки с курса, с которыми они были очень дружны. Их на курсе так и называли – «великолепная четвёрка». Римма, худенькая блондинка с короткой мальчишеской стрижкой, немного напоминала своим видом юркую мышку: остренький носик, подвижное лицо, порывистые движения. Весь её облик – отсутствие косметики, толстый свитер серого цвета, потёртые джинсы, кеды вместо туфель – был подчёркнуто незаметным, если бы не глаза: большие, распахнутые в мир, меняющие цвет в зависимости от освещения от бледно-серого до небесно-голубого. Глаза, казалось, жили сами по себе, а всё остальное – само по себе, но от глаз было просто невозможно оторваться.

– Ну, как дела с клубом? – с ходу спросила она расстроенных друзей.

– Пролетели, как фанерка над Парижем, – в своей обычной манере ответил Игорь.

– Жалко, – на Риммином лице появилась гримаска огорчения, – идея-то ведь хорошая!

– Рогов всего боится, – с едва сдерживаемой злостью вступил в разговор Павел, – и разрешения не даёт.

– А зачем нам обязательно разрешение? – спросила Римма, – разве мы не можем просто взять и собрать клуб?

– Где мы его соберём? У нас даже помещения нет! – тяжело вздохнул Павел.

– Если дело только в помещении – я могу помочь, – сказала вдруг Ната.

Все посмотрели на неё, как будто только что заметили.

Нату в их компании воспринимали не очень серьёзно, что было несколько странно, потому что, по сравнению с Риммой, она была девушкой яркой и выразительной. В отличие

от подруги, Ната не любила брюк и носила подобранные со вкусом платья, юбки и жакеты, подчёркивающие её ладную фигуру. Волосы она не стригла, а чуть подрезала и завивала, и они падали тёмно-каштановой волной на плечи, обрамляя немного вытянутое лицо с высокими скулами и тонким носом. Светло-карие, немного зеленоватые глаза всегда смотрели приветливо-вопрошающе, как будто она чего-то от вас хотела и предоставляла вам право самим понять, чего именно.

Молчание длилось не больше минуты, но друзьям показалось, что мимо них пролетел не один тихий ангел, и не один милиционер родился на просторах их необъятной страны.

– А с этого места попрошу поподробнее, – прервал затянувшуюся паузу Игорь. – Тётя из Америки виллу в наследство оставила на Лазурном берегу?

– Почти, – засмеялась Ната, – только не тётя, а бабушка, не виллу, а квартиру, и не в наследство, а цветы поливать.

Оказалось, что бабушка Наты серьёзно заболела, и родители перевезли её к себе, чтобы она была под присмотром, а Нате вручили ключи и поручили ездить на квартиру к бабушке два раза в неделю поливать цветы.

Вся компания немедленно поехала осматривать так удачно подвернувшееся помещение.

Ехать было недалеко – четыре остановки на трамвае, при желании можно и пешком дойти.

Сталинский пятиэтажный дом абрикосового цвета стоял, повернувшись одной стороной к тихой улочке, по которой ходили трамваи, а другой – в уютный дворик, заросший сиренью и чубушником, заставленный покосившимися чуланчиками и металлическими гаражами.

Квартира поражала своими размерами: трёхметровые потолки с лепниной, большая прихожая с огромным шкафом, просторный зал с двумя широкими окнами, круглым столом в центре и пианино в углу. В одну сторону от прихожей располагались ванная комната с газовой колонкой и старинной чугунной ванной, неожиданно тесный туалет и длинная, похожая на кишку кухня. В противоположном направлении убежал узкий коридор – там были ещё какие-то комнаты, но туда Ната никого не повела, а друзья решили не наглеть. Люстры, обои, мебель – всё в квартире было добротно и качественно сделано в лучших традициях пятидесятых годов, когда, видимо, всё это покупалось и наклеивалось, но с тех пор всё успело устареть и обветшать – и квартира оставляла противоречивое впечатление былой роскоши и сегодняшнего запустения.

– И кто же у нас бабушка? – присвистнул от удивления Игорь.

– Скорее уж дедушка, – грустно ответила Ната, – он был генералом, героем Советского Союза, в его честь даже улицу назвали.

Друзья с восхищением смотрели на Нату, открывшуюся им вдруг с неожиданной стороны, а одновременно на большую комнату, на широкий стол, на зелёный абажур над ним. Картина напоминала им обстановку рабочих кружков начала двадцатого века – и так хотелось скорее провести заседание своего клуба!

Через неделю за этим столом собрались ребята и девчонки с их курса – всего человек десять. Ната заварила чай и поставила на стол вазочку с печеньем. Молодые люди были на редкость торжественны и серьёзны, как будто всеми овладело чувство причастности к чему-то великому, что совершается на их глазах и в чём им посчастливилось участвовать.

С основным докладом выступил Павел. Он горячо рассуждал о том, что понятие «общенародное государство» ненаучно и скрывает классовую сущность государственной машины. По факту же власть в стране захватила партийно-советская номенклатура, постепенно перерождающаяся в новую буржуазию.

– Советская номенклатура превратилась в новый правящий класс, – развивал основной тезис своего доклада Павел, – ни Маркс, ни Ленин не говорили ни о каком «общенародном

государстве». Либо «диктатура буржуазии», либо «диктатура пролетариата» – третьего не дано. На мой взгляд, наше «общенародное государство» больше напоминает первое, чем второе.

Не все соглашались с точкой зрения Павла, спор получился острым и горячим. Настоящий спор, а не те вымученные дискуссии, которые иногда возникали на семинарах под строгим присмотром преподавателей. Взгляды высказывались самые разные, предлагались разные, иногда просто фантастические пути решения проблем, но в одном были согласны все – с Советским Союзом что-то не так.

– А мы-то чем можем помочь в этой ситуации? – когда страсти начали уже зашкаливать, задала вопрос Ната. – Что изменится от того, что мы здесь поговорим?

– В мире ничего, но в наших головах многое, – ответил Павел, – чем яснее мы будем понимать, что происходит вокруг, тем скорее мы решим, что надо делать. Скоро мы закончим институт и будем работать в разных местах, в том числе в советских, партийных и комсомольских органах. Если мы сохраним связь друг с другом, мы сможем совместно находить решение практических вопросов. Будем меняться сами – постепенно изменится и страна.

Ната пожала плечами, как бы говоря: «Не убедил!». Павел сам чувствовал, что ответ звучит немного по-детски, но он и правда пока не знал, какая реальная польза может быть от их клуба.

Глава 2

Следующий день начинался, как обычно. Друзья по старой традиции встретились во дворе и вместе пошли в институт, по дороге обсуждая вчерашнее заседание. Они так увлеклись беседой, что даже не заметили, как добрались до института. Первая пара была лекция, но аудиторию ещё не открыли, поэтому в коридоре собралась достаточно большая толпа студентов. Друзья сразу заметили, что вчерашние участники клуба обмениваются впечатлениями с однокурсниками. Некоторые студенты с интересом слушали и задавали вопросы – вчерашняя встреча явно не прошла незамеченной.

Тем временем появилась лаборантка с ключом, двери лекционной аудитории распахнулись – и толпа студентов шумно ввалилась внутрь. Прозвенел звонок, вошёл преподаватель – и началась лекция.

Павел слушал лектора и даже делал пометки в толстой тетради с клеёнчатой обложкой, но мыслями он был далеко.

Его переполняла радость от вчерашнего успеха. Как здорово, что всё получилось! – думал он. На следующее заседание придёт ещё больше людей. Потом можно будет снова вернуться к разговору с Михаилом – может быть, нам всё-таки дадут аудиторию? Что там Михаил говорил об исключении из комсомола? Какая ерунда! Мы ведь не враги Советской власти, наоборот, мы хотим дать социализму новое дыхание.

Так думал Павел и уже представлял себя на месте преподавателя. Лекционная аудитория буквально забита студентами. Здесь не только их однокурсники, но и ребята с других курсов и даже с других факультетов. Все воодушевлены, глаза горят, идёт горячая полемика, а он – дирижёр этого оркестра. Он купается в лучах славы. Все в институте знают и уважают его. Девчонки перешёптываются, когда он идёт по коридору, и бросают в его сторону быстрые кокетливые взгляды. Преподаватели с уважением пожимают ему руку. Все парни хотят с ним дружить, даже старшекурсники.

Поймав себя на этих грёзах, Павел невольно устыдился. Конечно, я затеваю всё не для этого, – убеждал он себя. Но в глубине души понимал, что и для этого тоже. А, может быть, и только для этого.

На второй лекционный час преподаватель чуть-чуть задержался. Он вошёл в аудиторию с недовольной миной на лице, как будто был чем-то расстроен. Он рассеянно оглядел студентов своим близоруким взглядом и тихо спросил:

– Павел Семёнов сегодня присутствует?

– Я здесь, – отозвался Павел и встал с места.

– Вас срочно просят зайти в комитет комсомола.

Миша Рогов показался Павлу каким-то озабоченным и растерянным. Он был в плаще и шляпе и ждал Павла у дверей комитета.

– Что-то срочное? – поинтересовался Павел, пожав ему руку.

– Тебя приглашают в обком партии, – был ответ.

– Зачем?

– Понятия не имею! Пошли быстрее – опаздываем.

До обкома быстрым шагом было минут десять, не больше. Всю дорогу Павел напряжённо размышлял: для чего меня приглашают в обком? Может быть, до них дошли уже сведения о первом заседании клуба, и они заинтересовались этой идеей? А что – помощь обкома была бы очень кстати: нужно решить вопрос с помещением, с размножением материалов, было бы неплохо по итогам заседаний готовить бюллетень и распространять его в комсомольских организациях города. Может быть, благодаря поддержке обкома, клуб получит общегородской статус? Это было бы замечательно!

Одновременно, споря с этими благостными размышлениями, в его сознании звучал другой, скептический голос, он говорил: что за ерунда? Как в обкоме могли так быстро обо всём узнать? А даже если и узнали, им же нужно время, чтобы разобраться. Побывать на заседании. Подготовить решение. Нет, быстро такие дела не делаются!

Так ум Павла мучительно сражался сам с собой, а в глубине души теплилась надежда на чудо: а вдруг сейчас произойдёт что-то настолько значительное, что полностью изменит всю его жизнь?!

На проходной обкома рядом с милицейским постом их уже ждал мужчина лет пятидесяти в тёмном костюме и белоснежной рубашке, туго перехваченной под воротником чёрным галстуком. Мужчина был кряжист и лысоват, на его бледном круглом лице не отражалось никаких чувств, тусклые глаза бутылочного цвета смотрели на мир как-то почти по-рыбьи, спокойно и невозмутимо.

– Привет, Миша! – коротко бросил он, подавая руку Рогову.

Затем он протянул свою широкую короткопалую ладонь Павлу и представился:

– Иван Матвеевич.

От холодных глаз, бесстрастного лица и даже самого рукопожатия нового знакомого веяло какой-то затаённой угрозой.

Павел представился в ответ, и Иван Матвеевич повёл его широкими обкомовскими коридорами с массивными дубовыми дверями по сторонам и красной ковровой дорожкой посередине. Миша Рогов отправился в обратный путь к институту.

То, что произошло потом, Павел воспринимал как кошмарный сон, от которого он хотел, но никак не мог проснуться.

Они зашли в узкую тесную комнату, где из мебели были только обшарпанный письменный стол и три жёстких стула: один за столом, другой напротив и третий сбоку от стола.

За столом в свободной позе сидел улыбчивый человек лет сорока, чем-то неуловимо похожий на Ивана Матвеевича, только с бобриком жёстких волос на голове и более приветливым выражением лица. Одет он был так же, как Иван Матвеевич, в тёмный костюм с белой рубашкой и галстуком.

– Владимир Николаевич, – представился улыбчивый человек и предложил Павлу присесть на стул напротив стола.

– Ладно, вы тут пока беседуйте, – буркнул Иван Матвеевич, – а я на пару минут отойду.

Без Ивана Матвеевича в кабинете стало легче дышать. Доброжелательный облик Владимира Николаевича располагал к себе. Он предложил Павлу закурить, сам тоже закурил и завёл душевный разговор о семье, учёбе, интересах и друзьях. Павел с удовольствием рассказывал о своих родителях, о летнем стройотряде, о работе в комитете комсомола и любимых преподавателях. Рассказал об Игоре и многочисленных институтских друзьях.

Владимир Николаевич слушал, заинтересованно улыбался, кивал головой, задавал уточняющие вопросы. «Какой хороший человек этот Владимир Николаевич, – думал Павел, – интересно, зачем всё-таки меня позвали? Может быть, узнали, что учиться на истфаке такой перспективный парень, как я, и решили познакомиться? Может быть, у них на меня какие-то планы?» Разговор не обещал никаких неприятностей, Павел расслабился, его первоначальное напряжение прошло, и тут, как гром среди ясного неба, прозвучал вопрос:

– Павел, судя по твоему рассказу, ты активный комсомолец и хороший парень, но не было ли в твоей жизни случаев, когда ты шёл против линии партии, против советского государства?

Павел даже не сразу понял сути вопроса, настолько он выбивался из всего тона предыдущей беседы.

– Что вы имеете в виду? – переспросил он.

– Я бы хотел, чтобы ты сам ответил на этот вопрос. Только не торопись, подумай. Очень важно, чтобы ты был предельно искренен. Если ты начнёшь врать и выкручиваться, ты разочаруешь меня. Из нашего разговора я составил о тебе представление, как об очень порядочном и честном человеке. Надеюсь, ты такой и есть на самом деле, – Владимир Николаевич смотрел на Павла как заботливый отец и мягко покачивал головой, как бы по-отечески ему сострадавая.

– Но в моей жизни действительно не было таких поступков! – недоумевал Павел.

– Подумай, подумай, не торопись, я дам тебе несколько минут, – Владимир Николаевич поднялся из-за стола, – если захочешь покурить, вот сигареты. Вода – в графине. Я вернусь минут через десять, и ты расскажешь о том, что вспомнил.

Владимир Николаевич ещё раз сочувственно посмотрел в глаза Павлу и вышел за дверь.

Павел остался один, и на него нахлынули панические мысли:

«Всё понятно! – думал он. – Конечно же, они имеют в виду наш дискуссионный клуб! Но что в нём антисоветского? Мы же хотели помочь Советской власти! Кто-то из вчерашних участников их дезинформировал! Но кто? И зачем? И что он наплёл?»

Павел припомнил страшные истории, передаваемые шепотком в коридорах, о том, что кого-то где-то посадили за политический анекдот, кого-то исключили из комсомола, а затем и из института за чтение запрещённых книг. Таких историй он слышал много, но не очень-то им верил – всё-таки на дворе не 37-й год, думал он. Да, есть Сахаров, которого сослали в Горький, есть Солженицын, которого выслали из страны, но ведь это враги, а разве я враг?

Дверь отворилась, но в комнату вошёл не Владимир Николаевич, а Иван Матвеевич. Он был угрюм и излучал злую энергию. Первые слова, которые он произнёс с порога, были:

– Ну что, все свои грешки вспомнил? Чем подробнее ты мне сейчас всё расскажешь, тем лучше для тебя. Чистосердечное признание облегчает наказание. Я слушаю...

Дальше на Павла посыпался поток вопросов: кто придумал идею дискуссионного клуба? Кто из взрослых подсказал Павлу эту идею? Слушает ли Павел западные радиостанции? Читал ли он нелегальную литературу? Какова истинная цель клуба? Какие практические действия планировались членами клуба в будущем? Почему клуб собрался тайком от комсомольской и партийной организации? Откуда он взял идею о тождестве буржуазии и советской номенклатуры? Что не устраивает Павла в «общенародном государстве»? Какими методами он предлагает его менять? Можно ли назвать клуб тайной антисоветской организацией? Какова роль каждого члена этой организации?

Вопросы обрушивались на Павла, как удары хлыста. Он старался отвечать искренне, но Ивана Матвеевича почему-то не устраивали ответы. Он снова и снова возвращался к одним и тем же вопросам, извращённо толковал слова Павла, ловил его на мнимых противоречиях и смотрел при этом осуждающим взглядом, как бы говоря – совсем заврался, щенок!

Выпутываясь из клеветы и силлогизмов, которыми оплетал его Иван Матвеевич, как прочной липкой паутиной, Павел с ужасом осознавал, что выводы, формулируемые Иваном Матвеевичем из их разговора, возникают какие-то странные: идея клуба, оказывается, пришла Павлу в результате прослушивания им вражеских голосов, подлинная цель клуба – идеологическая подготовка свержения Советской власти, Павел, как выяснилось, хотел использовать клуб для внедрения в среду молодёжи своих ревизионистских идей, в последующем планировалось сохранить связь со всеми членами клуба и использовать их для разрушения советских, партийных и комсомольских органов, в которых они будут работать.

– Ну что, парень, – резюмировал разговор Иван Матвеевич, – на семидесятую статью ты здесь уже наговорил. Только ты зря выгораживаешь своих дружков. Если хорошенько напряжёшься, и вспомнишь старших товарищей, которые тебя всему этому научили, может быть, всё ограничится исключением из комсомола и института, а если и дальше будешь упрямяться – поедешь в мордовские лагеря. Подумай о родителях, они у тебя вроде приличные люди – какой для них будет удар!

Допрос длился уже часа два. Павел смертельно устал и вымотался, во рту было горько от выкуренных сигарет, в желудке мутило, голова раскалывалась и плохо соображала, мысли путались.

– Я уже десятый раз вам повторяю, – еле ворочая языком, говорил Павел, – нет никаких старших друзей и не было никогда.

– Хватит корчить из себя партизана на допросе! – зло парировал Иван Матвеевич, – это не геройство – подонков выгораживать.

Павлу показалось, что его слова не доходят до собеседника, а тонут в пустоте, как будто он попал в театр абсурда, где два актёра произносят два не связанных между собой монолога, делая вид, что ведут диалог.

К счастью, в этот момент дверь кабинета открылась, и в ней показался Владимир Николаевич, как всегда приветливый и улыбающийся.

– Что-то вы заработались! – весело сказал он, – Пора заканчивать! Иван Матвеевич, вас там в соседней комнате ждут, а я, с вашего разрешения, закончу здесь.

Павел обрадовался Владимиру Николаевичу, как родному отцу, даже глаза увлажнились от радости.

– Что, брат, замучил тебя Иван Матвеевич? «Суров он был...», – шутливо процитировал Владимир Николаевич стихотворение из школьной программы, – ты сильно не расстраивайся. Главное в твоём положении сейчас – чистосердечное раскаяние. Вот, бери бумагу – и всё подробно напиши.

– Что написать? – не понял Павел.

– Всё, что ты здесь рассказал: о клубе, об участниках, как прошло заседание, кто что говорил, кому пришла идея и далее по списку. Постарайся ничего не забыть и не упустить. А в конце не забудь покаяться: мол ошибся, впредь обязуюсь не повторять подобных ошибок, клянусь быть честным комсомольцем и следовать во всём указаниям партии и правительства.

Владимир Николаевич положил на стол пачку бумаги и дал Павлу ручку.

– Придвигайся к столу, не стесняйся – и пиши! Вот вода. Сигареты. Все удобства!

Целую вечность Павел вымучивал из себя покаянную грамоту, подробно описывал обстоятельства создания клуба и первого заседания, раскаивался в ошибках, валил всю вину на себя, обязался впредь не допускать ничего подобного.

В кабинет раз в десять-пятнадцать минут заходили то Иван Матвеевич, то Владимир Николаевич. Первый грубо требовал переписать страницы, которые, как ему казалось, были недостаточно правдивыми или недостаточно изобличающими, второй, читая, кивал головой, шутил, улыбался и просил что-нибудь уточнить или дописать.

Итогом дня стали страниц десять убористого рукописного текста. К концу писанины Павел вымотался ещё больше, чем от предыдущего разговора, рука ныла, голова уже ничего не соображала, только гудела, как колокол.

В конце «беседы» оба следователя, а Павел уже отлично понимал, что это именно следователи, причём ясно, из какой конторы, – так вот, оба следователя вместе сели за стол напротив Павла, и Владимир Николаевич подвёл итог дня:

– Надеюсь, наша сегодняшняя встреча была полезной. Нас радует, что ты, Павел, переосмыслил своё поведение и чистосердечно раскаялся в ошибках, поэтому пока никаких санкций мы применять не будем. Насколько твоё раскаяние искреннее – покажет будущее. Мы будем продолжать наблюдать за тобой. Не разочаруй нас. И одна просьба – об этой встрече не должен знать никто: ни родители, ни друзья, ни подруги. Надеюсь, ты понимаешь, что это прежде всего в твоих интересах.

Когда Павел вышел из обкома партии, был уже вечер. Он стоял на ступенях мрачного серого здания с колоннами и не мог надышаться холодным октябрьским воздухом. Неужели то, что сейчас случилось, было с ним, Павлом, убеждённым комсомольцем и поклонником

коммунистической идеи? Неужели и вправду была эта тесная прокуренная комната, этот страх за родителей, за друзей, за свою жизнь, наконец? Хотелось забыть всё, как страшный сон, но ничего не забывалось. Мельчайшие детали допроса снова и снова всплывали в его сознании, мучая запоздалыми вопросами: а правильно ли он себя вёл? Нужно ли было писать это покаянное письмо или правильнее было бы рассмеяться в лицо своим мучителям и гордо принять кару: исключение так исключение, лагеря так лагеря! А как же родители? Это известие убило бы их. Так, мучаясь вопросами, Павел брёл по направлению к трамвайной остановке, ему хотелось как можно быстрее встретиться с Игорем.

В этот день Игорю тоже досталось.

Миша Рогов нашёл его на перемене после первой пары и отвёл в обком партии. Пока с Павлом работал «добрый следователь», в соседнем кабинете Игоря прессовал «злой».

Иван Матвеевич сразу выложил карты на стол, потребовав от Игоря рассказать всё о дискуссионном клубе: чья идея, кто надоумил, каковы цели организации. Игорь постарался всю вину взять на себя, но скоро запутался под огнём вопросов и вынужден был признать, что главную скрипку в их затее играл всё-таки Павел. К концу первого часа допроса Игорь был уверен, что всё идёт к исключению из комсомола и института, но со свойственным ему оптимизмом пытался отнестись к ситуации с юмором. Он изобразил из себя глубоко подавленного и деморализованного человека и внимательно следил за реакцией на свою хитрость со стороны следователя.

Пришедший на смену «злому следователю» Владимир Николаевич понравился ему гораздо больше. Тот сразу сказал, что всё зависит от чистосердечности его раскаяния – и дал ему бумагу с ручкой. Всё последующее пребывание в обкоме Игорь, изображая величайшую степень усердия, писал своё признание под присмотром то одного, то другого следователя, в душе потешаясь над ними.

Освободился он раньше Павла и не знал, что его друг сейчас рядом – в соседнем кабинете, но догадывался, что у Павла такие же неприятности.

Друзья встретились тем же вечером.

Они сидели на своём любимом месте в беседке детского сада у них во дворе. Это было их секретное место ещё со школы, здесь они обсуждали самые важные события своей жизни, открывали друг другу страшные тайны и делились самым сокровенным.

Павел был морально подавлен. Игорь никогда не видел своего друга в таком состоянии. Он весь ушёл в себя, курил сигарету за сигаретой, глядя на горящий в темноте огонёк застывшим, ничего не видящим взглядом.

– Ты пойми, – говорил он, – каким-то неживым механическим голосом, – то, что произошло сегодня – это не просто небольшая неудача, это катастрофа. Власть показала, что такие, как мы, ей не нужны. Она рассматривает нас как врагов. Не фарцовщиков, не карьеристов, не бюрократов – а нас!

– Не нагнетай, Паш, – пытался ободрить его Игорь, – эти два следака ещё не вся Советская власть. Перешагнули этот эпизод – и пошли дальше!

– Дальше? А куда – дальше? Жить так, как мы понаписали в своих покаянных записках? Колебаться вместе с курсом родной коммунистической партии? Отказаться от права на защиту своего мнения? Нет, ты как хочешь, а я сдаю билет. Я в эти игры больше не играю. Раз я не нужен этой власти, то и власть мне эта не нужна. Пусть катится ко всем чертям! Я решил больше не лезть в политику.

– Струсил? – решил подразнить друга Игорь, чтобы заставить его немного взбодриться. Он готов был даже подраться с ним сейчас, лишь бы не видеть его мёртвое, равнодушное ко всему лицо. Но Павел не поддался на провокацию – он посмотрел на Игоря таким отстранён-

ным взглядом, как будто он сидит не в полуметре от него, а где-то на другой стороне земного шара.

– Хуже, – ответил он, – разочаровался! Я больше не хочу иметь с этой властью ничего общего. Я много думал сегодня и понял вот что – наша власть неизлечимо больна, неизлечимо именно потому, что она не хочет видеть причин своей болезни, а тех, кто пытается ей их показать, считает врагами.

– А как же борьба? Ты же раньше говорил, что надо бороться!

– Бороться в одиночку невозможно. Эта власть всех устраивает, а те, кого она не устраивает, мечтают не о коммунизме, а о капиталистическом рае, мечтают, чтобы у нас всё было как на Западе: много джинсов, автомобилей и колбасы. Мне противно от всего этого. Я умываю руки.

– Жаль. Все эти годы я знал другого Павла – смелого и равнодушного. Надеюсь, это просто минутная слабость. Завтра ты проснёшься – и всё изменится.

– Нет, Игорь, ничего уже не изменится. Это не минутная слабость. Я давно об этом размышлял, но не хотел сам себе признаться в очевидном, а сегодня – как будто завеса с глаз слетела, и всё сразу встало на свои места. Прости, дружище, наверное, ты принимал меня за кого-то другого. Я не Дон Кихот – и не буду сражаться с мельницами. А теперь я пойду. Хочу немного побыть один.

Павел затушил последний окурок, тяжело поднялся со скамейки и пошёл к забору в том месте, где они обычно перелезали через него.

Игорь остался один. Осенний дождь стучал по крыше беседки и скатывался с неё крупными каплями, отражавшими свет тусклого фонаря. Промокший кот впрыгнул на широкие перила и уставился на него своими круглыми блестящими глазами, как бы спрашивая «Что ты забыл в моей беседке в такое время?»

– Ну что, Мурлыка, тебе сегодня тоже не повезло? – спросил Игорь у незваного гостя. – Мне так, вообще, два раза! Но ничего – прорвёмся! Будет и на нашей улице праздник!

Кот смотрел на него умными, всё понимающими глазами и безмолвно соглашался с ним.

Глава 3

Игорь был вторым ребёнком в семье. Отец, Михаил Михайлович Григорьев происходил из обрусевших армян. Наверное, его далёкие предки были Григорьянами, но в какой-то момент превратились в Григорьевых. В их роду было принято жениться на русских девушках, и к моменту рождения Михаила Михайловича род настолько обрусел, что об армянских предках отца напоминали разве что его чёрные и густые по молодости волосы, которые густо покрывали его голову и тело, правда, в зрелые годы они быстро начали редеть и седеть на груди и на висках. В паспорте у Михаила Михайловича было написано «русский», хотя у его отца Михаила Самвеловича в графе «национальность» ещё значилось «армянин».

От армянских предков Игорю достались в наследство тёмно-карие глаза, чёрные волосы, смуглая кожа и бьющая через край жизненная энергии.

Игорь с детства любил шумные компании. Его весёлый и незлобивый характер всегда притягивал к нему людей, поэтому недостатка в общении он не испытывал. У него повсюду были друзья и приятели: во дворе, в классе, в параллельных классах, среди ребят старше и младше него, в соседних школах, во дворце пионеров; позднее в группе, на курсе, на факультете, на других факультетах, в других вузах, в райкоме комсомола. Он обладал счастливым талантом легко знакомиться и долго удерживать в памяти лица и имена людей, его записная книжка вся была исписана убористым мелким почерком – в ней содержались адреса, номера телефонов и даты рождения сотен знакомых, которых он никогда не забывал поздравить с днём рождения, а, встретив на улице, интересовался их проблемами, как будто важнее этого для него не было ничего на свете. «Клёвый чувак!» – говорили о нём ребята. «Классный парень!» – вторили им девчонки.

Широта связей имела и оборотную сторону – их поверхностность. В момент общения любому человеку казалось, что Игорь души в нём не чаёт, но уже через пять минут после расставания Игорь забывал о нём, чтобы вспомнить при следующей встрече. В детстве такое перманентное общение казалось Игорю чем-то само собой разумеющимся, но когда пришла юность с её неизбежной рефлексией, Игорь стал ощущать себя одиноким кораблём, которым играют морские волны. Волны – это окружающие люди, их бессчётное количество, целый океан, каждая новая волна набегаёт, подхватывает корабль, какое-то время несёт его на себе – и убегает в сторону горизонта, освобождая место для новой волны, а корабль по-прежнему остаётся одиноким. Игорь почувствовал острую необходимость в чём-то надёжном и основательном, что не будет исчезать и меняться с течением времени. Тогда он решил для себя, что приятелей у него много, а вот друг один – это Павел, и девушек много вокруг, но любимая из них одна – и это Римма. Почему Римма? Он и сам не смог бы ответить на этот вопрос.

Игорь влюбился в Римму ещё на первом курсе, в тот самый день, когда впервые увидел её. Ему нравилось в ней всё: её удобка и хрупкость, её мальчишеская фигура, её глаза цвета мартовского неба, её белокурые волосы с короткой стрижкой, даже то, что она всегда ходила в джинсах и свитерах, а не в платьях и юбках, как другие девушки. Ему нравился звук её голоса – низкого с еле заметной хрипотцой, как после сна, ему вечно хотелось держать в руках её ладони – тонкие и прозрачные с длинными изящными пальцами.

Он подсаживался к ней на семинарах и лекциях, развлекал её своими бесконечными шутками и анекдотами, приглашал в кино и на дискотеку. Рядом с ним всегда был его друг Павел, а рядом с Риммой её школьная подруга Ната – так что и в кино, и на дискотеку приходилось ходить вчетвером. Так они и стали «великолепной четвёркой».

Конечно, Игорю всегда хотелось остаться с Риммой один на один, но, казалось, девушка намеренно этого избегала. Она не отпускала от себя Нату ни на шаг, а если вдруг той нужно

было срочно куда-то идти, сама уходила вместе с ней. Собственно, Ната и была главным препятствием для встреч наедине. Игорь постоянно жаловался на это Павлу.

– Слушай, друг, – однажды предложил он, – занялся бы ты Наткой, а? Хорошая же девочка пропадает! Парня у неё нет, вот она и торчит рядом с Риммой, как приклеенная.

Павел нахмурился.

– Игорёк, ты отлично знаешь, что я не могу заняться Натой, – отвечал он.

– Знаю, – неохотно согласился Игорь. Он действительно не только знал, но и на правах друга был втянут в большой школьный роман Павла, который не закончился вместе со школой, а продолжался по сей день. И всё-таки Игорь не был бы Игорем, если бы не попытал счастья:

– Паш, а ты сыграй роль – как в театре. Представь, что тебе нужно выступить в известной мелодраме в роли героя-любownika! Ты бы меня очень выручил!

Но Павел слишком серьёзно относился к жизни для такого предложения.

– Игорь, такими вещами не играют, – наотрез отказался он.

– Согласен! Согласен! Но мне-то что делать? – преувеличенно тяжело вздохнул Игорь, исподтишка поглядывая на друга: «А вдруг передумает?»

Пока Игорь исповедовался другу в своей любви к Римме, Римма в часы откровения повеяла своей подруге самую страшную тайну своей жизни – неразделённую любовь к Павлу.

Чем именно Павел поразил её воображение, Римма, наверное, и сама не смогла бы ответить. Ей всегда казалось, что чувство возникло не внутри неё, а спустилось откуда-то сверху. Сначала возникло чувство, а потом она стала замечать, какой Павел умный, какой красивый, какой целеустремлённый. Ей хотелось прижиматься к нему, ерошить его волнистые волосы, слушать его ровный спокойный голос, вдыхать запах его тела. Ещё больше ей хотелось, чтобы Павел говорил ей ласковые слова, дарил цветы, брал в охапку своими большими сильными руками и прижимал к груди.

Увы! Павел видел в ней только друга, а самой признаться в своих чувствах у неё не хватало духу.

Разгром дискуссионного клуба Римма восприняла как удар по её любимому.

Когда Павла вызвали в комитет комсомола прямо с лекции, она сразу заподозрила что-то неладное, и её сердце тревожно зануло, предчувствуя беду. В тот день Павел не вернулся на занятия. А события на истфаке развивались стремительно. Одного за другим членов клуба вызывали в деканат прямо с занятий, и они возвращались спустя некоторое время притихшие и ошарашенные. На переменах шептались между собой и настороженно замолкали, как только к ним кто-нибудь подходил.

Римму вызвали минут через пять после ухода Павла. Декан истфака, Николай Иванович Полубатько, маленький лысоватый человечек в круглых очках, любовно именуемый студентами Полубатя, заглянул в аудиторию и, конфузливо извиняясь перед преподавателем, забрал её с лекции. По дороге к деканату он участливо, почти по-отечески, вздыхал, но о причинах вызова не распространялся.

В кабинете декана, по-хозяйски расположившись за столом Николая Ивановича, сидел незнакомый мужчина в чёрном костюме и галстуке. Он стал подробно расспрашивать Римму о вчерашнем заседании. Из расспросов девушка поняла главное – у её любимого большие неприятности! В речи незнакомца то и дело звучали слова «антисоветская агитация и пропаганда», «подпольная организация», «измена Родине» и много других страшных слов и фраз, от которых мурашки бежали по спине. Она всеми силами старалась выгородить Павла, объяснить человеку в чёрном значение дискуссионного клуба для однокурсников, но чёрный человек не стал её слушать, посоветовал держаться от Павла подальше, взял с неё слово не участвовать впредь в подобных несогласованных с комсомольскими и партийными органами мероприятиях, а также по возможности сообщать о них в комитет комсомола или в деканат. Римма

охотно дала честное комсомольское, совершенно не собираясь его выполнять, и была отпущена с миром.

В дверях кабинета она лицом к лицу столкнулась с Натой: та смотрела на неё испуганно-вопросительно, но так и не успела ничего спросить – Николай Иванович уже заводил её в свой кабинет.

Римма хотела дождаться подругу в коридоре, однако уже через минуту Полубатя появился в дверях и заботливо спросил:

– Римма, ты как?

– Нормально, Николай Иванович.

– Ты не в курсе, почему такой шум поднялся из-за вашего клуба?

– Сама не пойму.

– Надеюсь, вы ничего не хотели взорвать?

Римма рассмеялась, оценив шутку Полубати – он явно сочувствовал своим студентам.

– Ну, ладно, пойдём я тебя на лекцию провожу, – заботливо предложил Николай Иванович, и Римме было неловко отказаться.

На перемене Римма сразу подошла к Нате.

– Как ты, подруга? – спросила она.

– Да вроде ничего, – отвечала Ната, – поклялась, что больше никогда в жизни не буду предоставлять квартиру для антисоветских сборищ.

– Интересно, кто на нас настучал? Узнаю – своими руками задушу, – в шутку но с глубоким искренним чувством сказала Римма, – Павел не возвращался?

– Нет. И Игорь куда-то пропал.

– Судя по всему, мы легко отделались, а самые большие неприятности у них, – горько вздохнула Римма, думая в первую очередь, конечно же, о Павле.

В тот вечер Римма не смогла дозвониться до Павла. Сначала трубку никто не брал, Римма по несколько минут слушала длинные гудки, надеясь, что после следующего уж точно услышит любимый голос, но гудки всё шли и шли, а телефон молчал. Часов около семи ответила женщина – наверное, мама Павла, – подумала Римма. Женщина вежливо поинтересовалась, кто звонит и что передать. В тоне материнского голоса Римме почудился скрытый намёк на понимание, кто и зачем звонит. От этого Римме стало вдруг неловко, и она, торопясь и проглатывая окончания слов, выпалила речитативом, что сама перезвонит около девяти. Если это, конечно, не слишком поздно, – робко добавила она.

– Звоните, конечно, – благосклонно разрешила женщина и повесила трубку.

В девять в трубке раздался уже знакомый женский голос:

– Нет, Павел ещё не пришёл. Может быть, вы скажете всё-таки, что ему передать?

– Передайте, пожалуйста, что звонила Римма Крылова, его однокурсница, я хотела поговорить с ним насчёт завтрашнего семинара. Если сможет, пусть мне перезвонит.

– А не поздно, Римма?

– Нам можно звонить до десяти.

– Хорошо. Я обязательно передам, – голос внушал доверие.

До десяти Павел не перезвонил.

Римма промучилась всю ночь и утром побежала в институт пораньше, надеясь перехватить Павла до занятий.

Она заняла наблюдательную позицию в дальнем углу гигантского институтского вестибюля, откуда хорошо просматривалась входная дверь. Её очень удивило, что Игорь пришёл в институт без Павла. Перемещаясь вместе с потоками студентов, Римма как бы ненароком оказалась недалеко от него. Игорь заметил её и бросился навстречу:

– Привет! – радостно крикнул он ещё за несколько шагов до того, как приблизился.

– Привет, – изобразив на лице улыбку, ответила Римма, и как бы в шутку добавила, – что это ты сегодня в одиночестве! Где твой напарник?

Игорь немного смутился.

– Мы с ним немного поцапались вчера, – сказал он, как бы оправдываясь.

– Нашли время цапаться, – недовольно пробурчала Римма и быстро растворилась в толпе, как юркая мышка в сухой листве.

Прозвенел звонок, а Павел так и не появился.

Целый день Римма не могла думать ни о чём другом, кроме как о Павле: где он? Что с ним? Почему он не пришёл? Не случилось ли с ним чего-нибудь плохого? Может быть, он заболел? А, может, его арестовали? Мысли, одна страшней другой, пронеслись в Римминой голове, не давая сосредоточиться на занятиях. Она была готова пожертвовать чем угодно, лишь бы с её любимым было всё хорошо.

Римма принадлежала к редкой в восьмидесятые годы породе «тургеневских девушек». Их так и называли – тургеневские девушки – вкладывая в это понятие не столько уважение и пиетет к гордым, волевым и романтичным героиням романов Ивана Сергеевича Тургенева, сколько пренебрежительную усмешку прагматичного обывателя поздней советской эпохи: что мол с них взять – не от мира сего!

Римма и вправду была не от мира сего: ей были близки и понятны романтические героини Александра Грина, она зачитывалась «Алыми парусами» и «Фанданго», «Бегущей по волнам» и «Кораблями в Лиссе». Она рыдала над «Чайкой Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха и умилялась «Маленьким принцем» Экзюпери. Её восхищали рисунки Нади Рушевой, стихи Ники Турбиной, песни Татьяны и Сергея Никитиных. «Под музыку Вивальди» она могла слушать непрерывно, и каждый раз на словах: «И стало нам так ясно, так ясно, так ясно, что на дворе ненастно, как на сердце у нас, что жизнь была напрасна, что жизнь была прекрасна, что все мы будем счастливы когда-нибудь, бог даст!» – сладкие слёзы неизменно подступали к глазам.

Её нежная и чуткая натура невыразимо страдала от цинизма и лицемерия окружающей действительности. Демонстративно неженская одежда, пренебрежение причёской и косметикой, грубоватая, «под пацана», манера общаться – всё это служило ей щитом, за которым она скрывала уязвимые места своей хрупкой души.

Она знала и глубоко понимала сложную поэзию Цветаевой и Пастернака, обожала Хименеса и Лорку, заслушивалась классической музыкой, неплохо рисовала. Со своей тонкой артистической натурой она могла бы стать хорошим художником или музыкантом, но её воспитывала одна мама, папы у них не было, бабушка рано умерла – и у мамы просто не хватало ни сил, ни времени, ни свободных средств, чтобы серьёзно заняться развитием своей дочери. Вот и росла она, как дикий прекрасный цветок у дороги, покрытый пылью от проезжающих мимо автомобилей, но сорви его, окати родниковой водой, поставь в хрустальную вазу – и он заиграет живыми волшебными красками, затмевая собой ухоженные оранжерейные растения.

Римма не любила женского общества. Она с большей охотой общалась с мальчишками, чем с девчонками. Её раздражали бесконечные разговоры о парнях, о нарядах, о причёсках. С мальчишками было веселее и интереснее. В младших классах она играла с ними в «войну», позднее гоняла на велосипедах, бегала купаться на Волгу. Плавала она, как рыба, заплывала далеко, за что мальчишки её страшно уважали и в глубине души считали своей.

То, что Римма с Натой стали подругами, удивляло многих в школе и во дворе. Пожалуй, не было более разных контрастной пары, чем тандем Наты и Риммы. Одна – неброская, больше похожая на мальчишку, отчаянная во внешних проявлениях и ранимая внутри, и другая – яркая, поразительно женственная даже в свои пятнадцать лет.

Ната, сколько себя помнила, всегда притягивала к себе заинтересованные взгляды мальчишек, но они считали её слишком заносчивой и недоступной, поэтому близко не приближались. Безусловным авторитетом для них была Римма, а Римма не обращала внимания на смаз-

ливую Нату. В девятом классе Ната решила исправить это положение. В принципе, ей было наплевать на мальчишек, но один из них – Алёша Прохоров – ей ужасно нравился. Алексей был классическим красавчиком с рельефно развитой мускулатурой и обволакивающим взглядом больших карих глаз. Ради того, чтобы приблизиться к Алёше, Ната готова была подружиться хоть с чёртом, не то что с Риммой.

Как-то в конце учебного года разразился конфликт между учительницей математики и мальчишками девятого «Б». Математичка, Клавдия Сергеевна, по прозвищу «Балаклава», была очень сильным и опытным учителем, она давала прекрасные знания, но при этом отличалась грубым и свирепым нравом. Она могла высмеять ученика перед всем классом, унижить, оскорбить. Особенно это касалось мальчишек.

После одной из экзекуций, устроенной Балаклавой по какому-то пустяку, мальчишки решили демонстративно прогулять её урок. На перемене перед уроком Римма сообщила об этом всем девочкам класса и предложила присоединиться к бойкоту. Девчонки только плечами пожали и посоветовали не ссориться с учительницей, и только Ната пошла тогда вместе с Риммой и мальчишками. По случаю этого «ЧП» в школе прошли серьёзные разбирательства с привлечением директора и приглашением родителей. Всем участникам бойкота было снижена оценка по поведению до «неудовлетворительно», но Римма с Натой с тех пор стали неразлучны.

В день после разгрома дискуссионного клуба Игорь ощутил неодолимое желание поговорить, наконец, с Риммой о своих чувствах к ней. Когда прозвенел звонок с последней пары, он бросился её искать. Римма спускалась по лестнице вместе с Натой, девушки о чём-то оживлённо беседовали.

– Римма, я бы хотел с тобой поговорить, – вклинился он в их оживлённый разговор, подойдя поближе.

Римма с затаённой надеждой посмотрела на Нату. По правилам, которые они выработали для общения внутри «великолепной четвёрки», Ната должна была сейчас что-то придумать, чтобы не отпустить подругу одну на разговор с Игорем – они поступали так всегда, но на этот раз Ната почему-то сделала вид, что не заметила Римминово взгляда или не поняла его.

– Ладно, Риммуль, пока – мне ещё надо в читалку забежать, – быстро проворковала она и упорхнула, оставив Римму с Игорем наедине.

Римма была шокирована странным поведением подруги – она никак не ожидала такого предательства, и в растерянности пошла вслед за Игорем, попутно размышляя о возможных причинах необъяснимого поступка.

Выйдя из института, стали бродить по городу, сторонясь больших шумных улиц. Сначала обменивались впечатлениями от вчерашнего общения с органами, потом разговор перешёл на Павла: где он? Что с ним? Из телефона-автомата позвонили ему домой, но трубку никто не брал.

На Игоря события вчерашнего дня произвели неожиданный эффект. Когда Иван Матвеевич запугивал его всевозможными карами для него и его близких, он, конечно же, переживал за судьбу своих родителей и старшего брата, недавно закончившего военное училище и уехавшего служить в Германию, безусловно, опасался исключения из института и комсомола, без сомнения, тревожился за Павла, но больше всего он боялся за Римму – как вся эта история отразится на ней? Именно там, на допросе, он вдруг подумал, что жизнь может выкинуть какой-нибудь неожиданный кульбит, и он просто не успеет рассказать любимой девушке о своих чувствах; там, в тесной слабо освещённой комнатке, под угрозой вполне реальных репрессий, он принял окончательное решение сделать Римме предложение и теперь собирался с духом, чтобы начать этот разговор.

Гуляя по городу, они спустились по длинной бетонной лестнице к Волге и пошли по набережной. Навигация подходила к концу. Волга несла мимо них свои тёмные свинцовые воды, готовясь к приближающейся зимней спячке. Из низких косматых туч принялся моросить промозглый дождь. У Риммы оказался с собой складной японский зонт «Три слона», она развернула его и пригласила Игоря под бежевый полиэстеровый купол с розовыми, белыми и жёлтыми цветами на нём.

Игорь оказался совсем рядом с Риммой. Сквозь болоньевую куртку и шерстяной свитер он ощущал её хрупкое тело, от волос пахло ванилью.

«Сейчас или никогда!» – подумал Игорь, набрал побольше воздуха и почти на одном дыхании проговорил:

– Римма, я давно хотел тебе сказать, может быть, сегодня это и неуместно, но мне просто необходимо сказать тебе это, чтобы ты знала. В общем, я... Я люблю тебя! И хотел бы, чтобы ты стала моей женой!

Никогда и никому Игорь не говорил ещё подобных слов. Они прозвучали странно и необычно для его собственного слуха, как будто их произнёс кто-то другой и не его, а чьим-то чужим незнакомым голосом. Слова, казалось, повисли в воздухе, а вокруг них образовалась космическая тишина, нарушаемая только плеском волн да постукиванием дождя по зонту.

Сначала Игорю стало легче, словно камень с души свалился – невысказанная любовь уже давно мучила его, и вот теперь вырвалась наружу. Но сказав, наконец, заветные слова, буквально через минуту он уже пожалел об этом. Раньше у него оставалась надежда, а теперь эта надежда рушилась прямо на глазах. Он ожидал любой реакции от своей любимой, но только не молчания. Как назло, дождь перестал, и Римма одним щелчком сложила зонт. Её тело, только что тесно прижатое к нему, отделилось. Она подошла к парапету и стала смотреть на Волгу. Осенний ветер развеивал её тонкие белокурые волосы. Она заговорила, глядя не на него, а на Волгу, и каждое слово звучало для него приговором.

Она говорила о том, что очень хорошо к нему относится, но что она не может ответить на его любовь, а уж тем более выйти за него замуж, потому что любит другого.

– Давай сделаем вид, что ты ничего не говорил, – предложила она, – мне правда очень хорошо с тобой, и я не хочу, чтобы ты исчез из моей жизни. Я привыкла видеть в тебе друга, верного и надёжного. Разве мы не можем остаться просто друзьями?

У Игоря горько сжималось сердце, ему хотелось плакать, но потерять Римму, пусть даже в качестве друга, было выше его сил. «Ничего, – думал он, – может быть, она со временем оценит мою любовь? Да и неизвестно, как этот другой поведёт себя! Кто же этот другой? Уж не Павел ли? Но если бы между ними что-то было, Павел давно бы мне всё рассказал. Тем более у Павла есть Маша. Наверное, Римма ничего не знает о Маше. Так что не всё ещё потеряно – держись, парень!»

Природный оптимизм и чувство юмора позволили ему с честью выйти из непростой ситуации. Он рассмеялся и по-дружески взял Римму за руку.

– Хорошо, – сказал он, – забудем всё, что я сейчас наговорил! Мы по-прежнему друзья, и как друг я по-прежнему имею право на место под твоим зонтом, тем более, что дождь снова начинается!

Римма облегчённо засмеялась в ответ, раскрыла зонт, и они, касаясь друг друга плечами, пошли в сторону лестницы.

Глава 4

В конце октября прошло отчётно-перевыборное комсомольское собрание, на котором Павла не включили в состав комитета комсомола. Весь истфак это сразу заметил, как заметили и фразу в отчётном докладе Рогова об «отдельных комсомольцах, которые пытаются подменить руководящую роль партии подозрительными и вредными инициативами». При этом Игоря в новом составе комитета комсомола сохранили.

Павел на комсомольское собрание не пришёл. В последнее время он практически перестал общаться с Игорем, а Ната отдалась от Риммы. Их легендарная четвёрка перестала существовать. Римма попыталась вызвать Павла на откровенный разговор, но тот избегал её.

Он сблизился с новой компанией – компанией студклуба. Это была конкурирующая фирма для группы, сложившейся вокруг комитета комсомола. Обе группировки относились друг к другу внешне почтительно, но на самом деле иронично и с пренебрежением. Студклубовцы называли комитетчиков «политиками», а «политики», в свою очередь, окрестили студклубовцев «артистами».

«Артисты» не обладали такой властью и влиянием на институтские дела как «политики», но зато в их полном распоряжении был актовый зал с прекрасной сценой, музыкальные инструменты, звуковое и осветительное оборудование, костюмы и много чего ещё, что было необходимо для организации конкурсов первокурсников, студенческих вёсен, агитбригад, театральных капустников и молодёжных вечеров.

Студклубовская команда была своеобразной институтской оппозицией. Парткому и комитету комсомола стоило огромного труда постоянно следить, как бы в капустник не попала скрытая сатира на советское общество, как бы со сцены не зазвучали песни Галича или «Банька» Высоцкого, как бы на танцевальном вечере не включили записи «Чингисхана». И всё-таки нет-нет, да что-нибудь проскальзывало! За «политическую близорукость» обком мылил шею институтскому парткому, партком – комитету комсомола, а комитет комсомола – директору студклуба – весёлому актёру-неудачнику Яше, который в ответ только беспомощно улыбался и разводил руками, мол, что возьмёшь с этих студентов!

«Артисты» жили весело и беззаботно, не очень напрягались учёбой, объясняя свои прогулы срочными репетициями и внеплановыми концертами, это не давало им никаких преференций во время сессии, но, во всяком случае, останавливало деканаты от дисциплинарных мер.

Студенты шептались между собой, что у «артистов» царит непрерывное веселье, сопровождаемое алкогольными возлияниями и достаточно вольными отношениями между полами. Неизвестно, сколько в этих словах было правды, а сколько зависти со стороны непосвящённых. Ведь проникнуть в среду «артистов» было ой как не просто – для этого надо было обладать какими-нибудь очевидными и признанными художественными талантами. Неудачники, стремившиеся проникнуть в эту среду, но оставшиеся за бортом, в основном, и распространяли эти сплетни.

Павла «артисты» охотно приняли в свои ряды за его хороший голос и умение играть на гитаре. В студклубе всю готовилась агитбригада для поездки по сёлам области на зимних каникулах, и Павел сходу вписался в подготовку концертной программы. Мало того, что он хорошо исполнял песни Визбора, Городницкого, Ланцберга, он ещё и сам писал неплохие тексты и сочинял нехитрую музыку – получалось очень душевно, и ребятам нравилось.

К студклубовской команде прибилась и Ната. У неё вдруг обнаружился талант общения с публикой, а «артисты» искали как раз хорошего конферансье. Ната совсем не боялась сцены, остроумно шутила, талантливо читала юмористические стихи, публика легко велась на её про-

стенские эстрадные приёмчики, подсмотренные у популярных юмористов, активно хлопала, смеялась.

Римма с завистью наблюдала, как Павел и Ната репетируют на сцене, или курят на лестнице за актовым залом, или вместе опаздывают на лекцию, задержавшись в студклубе. Она несколько раз пыталась подойти к Нате на правах подруги, но Ната смотрела на неё холодно и отчуждённо, как будто они не были близки последние четыре года. Общих тем для разговора не подворачивалось, и вдвоём больше чем на пять минут остаться не получалось – тут же подходили какие-то ребята и девчонки, начинали что-то активно обсуждать с Натой, и Римма невольно чувствовала себя чужой в этой компании – она с грустью отходила в сторону. Как на зло, артистическими талантами Бог её не одарил.

Их дружная компания распалась на две половинки. В одной оказались Павел с Натой, а в другой она с Игорем. Чего бы она только не отдала, чтобы поменяться с Натой местами, но это были только мечты, а жизнь текла своим чередом.

Ни на первом, ни на втором курсе Павел не заводил романы с девушками, потому что у него уже была девушка. Ещё со школы. Её звали Мария, Маша. Когда Маша появилась в их школе в начале девятого класса, он как будто бы вырвался из сомнамбулического полусна, в котором пребывал до этого, и вошёл в мир, наполненный красками, цветами, голосами птиц, шумом листвы. Он как будто впервые увидел небо, и Волгу, и теплоходы на ней, и сирень в пришкольном скверике, куда они с мальчишками бегали курить на переменах.

Он узнал, что может писать стихи, смотреть на звёзды, лазить на крыши и совершать много других романтических глупостей. Да чего только не узнал и не открыл он в себе! Ему начали сниться вещие сны, которые с чудовищной регулярностью сбывались. Пьяные стали исповедоваться ему на улицах.

Сблизиться с Машей Павлу помог Игорь. Оказалось, что он знаком с Машей давно, ещё когда она училась в другой школе. Их родители дружили, и Игорь даже бывал у неё дома. Благодаря Игорю Маша быстро влилась в их школьную компанию, объединявшую ребят и девчонок из трёх параллельных классов. Компания была дружная и весёлая: вместе ходили на каток, на дискотеки, встречались по квартирам, когда родителей не было дома. Маша хорошо относилась к Игорю и вскоре распространила это отношение и на Павла. Они часто стали встречаться втроём, а когда Павел посвятил Игоря в свои чувства к Маше, друг великодушно отошёл в сторону и, тяжело вздохнув, отказывался от соблазнительных предложений Маши пойти весте в кино или в кафе-мороженое, чтобы Павел мог побыть с Машей наедине.

Переломным в их отношениях стало лето между девятым и десятым классом.

Тогда они поехали отдыхать все втроём – Маша, Игорь и Павел – на дачу к Машиным родителям. Рядом с деревней, где находилась дача, был лесной пруд, а надо сказать, отношения Павла с водой складывались непросто.

Если честно, вода вселяла в него мистический ужас.

Точнее не сама вода, а её глубина.

Почему-то ему всегда нужно было ощущать твёрдое дно под ногами. Если дна по какой-то причине не оказывалось, Павла охватывала паника, и он ничего не мог с этим поделать.

Из-за этой фобии, доставшейся ему в наследство от отца, Павел всегда чувствовал себя каким-то ущербным и жутко хотел научиться плавать. Чтобы научиться плавать, нужно залезть в воду. Чтобы залезть в воду, нужно перестать её бояться. Но перестать её бояться он не мог, не научившись плавать. Замкнутый круг!

В их школе был бассейн. На первом занятии по плаванию Павлик спустился в воду по лесенке и уцепился за бортик. Все подготовительные упражнения делал очень старательно. Когда учитель физкультуры Владимир Семёнович раздал брикетки пенопласта, невесомые

на воздухе и совершенно не тонущие в воде, он ухватился за этот брикетик, и когда почувствовал, что пенопласт держит его на воде – успокоился. Несколько занятий прошли успешно.

Но вот настало время отцепиться от бортика и сделать упражнение в воде без пенопласта. Павлик попытался – и тут же почувствовал, как неодолимая сила тянет его ко дну. Он запаниковал, лихорадочно забился в конвульсиях и каким-то чудом ухватился обеими руками за бортик. Больше отпускать его он не рисковал. Владимир Семёнович спустился к нему в бассейн и попытался уговорить разжать руки. Павлик уважал Владимира Семёновича, к тому же ему было стыдно, что дети вокруг смеются, но он ничем не мог помочь своему учителю – оторваться от бортика было выше его сил.

Это повторялось на каждом уроке. Он мог плавать с пенопластом и только. Любые попытки оторвать его от поплавка приводили лишь к тому, что он начинал тонуть и смешно барахтаться в воде на потеху одноклассников. Поплыть без пенопласта он так и не смог. Уроки плавания превратились в мучение для него и в развлечение для всего класса.

Став постарше, Павел решил во что бы то ни стало избавиться от водобоязни и поставил перед собой задачу научиться этому мудрёному искусству. Он записался в городской бассейн и, преодолевая страх, стал методично туда ходить.

С горем пополам он освоил технику одного плавательного стиля – кроля. Он плыл от одного бортика бассейна до другого – пятьдесят метров, технично загребая руками и ногами, делая вдох из под правой руки и выдыхая в воду. Проплыв дистанцию, он хватался за бортик, вставал на кафельный выступ бассейна, идущий по всему периметру на глубине человеческого роста, разворачивался, собирался с силами – и снова плыл полсотни метров, теперь уже в противоположном направлении. К концу обучения он мог за тренировку проплыть до километра, то есть десять раз туда и десять – обратно.

Самое смешное, что страх воды при этом так и не прошёл. Он плыл, стараясь не думать о глубине, потому что, как только начинал о ней думать, его охватывала паника и он делал массу судорожных и опасных телодвижений, забыв о старательно выученной технике. В таких случаях он хватался за пенопластовые поплавки плавательной дорожки, восстанавливал дыхание, снова убеждал себя не думать о глубине и кое-как доплывал до бортика.

Уроки плавания перестали быть для Павла мучением. В двадцатипятиметровом школьном бассейне он чувствовал себя вполне комфортно. Он мог теперь ходить с ребятами и девочками на Волгу, правда от длительных и дальних заплывов всегда под каким-нибудь предлогом отказывался.

И вот в один из погожих летних деньков на даче Игорь, Павел и Маша, болтая и смеясь, добрались до лесного пруда, и Игорь предложил переплыть этот пруд.

Пруд был небольшой, окружённый со всех сторон янтарными корабельными соснами, до противоположного берега – метров триста, не больше. Павел никогда не плавал такое расстояние без передышки. Но так хотелось выглядеть героем в глазах любимой девочки! И они поплыли.

Первые сто метров он плыл красиво и технично, но чем дальше плыл, тем лучше понимал, что совершил ужасную и теперь уже непоправимую ошибку: он мог держаться на воде при одном условии – непрерывно работая руками и ногами в технике кроля, вдыхать, поворачивая голову направо, и выдыхать в воду. Он не мог ни остановиться, ни полежать на воде, ни перевернуться на спину – во всех этих случаях он начинал тонуть, а силы-то он и не рассчитал: пруд оказался больше, чем он его оценил вначале. Павел плыл уже целую вечность, но пруд всё не кончался, берег не приближался, а силы были на исходе.

Игорь почувствовал что-то неладное. Он подплыл к другу и спросил:

– Что-то ты как-то неуверенно гребёшь?

– Игорь, я тону, – ответил Павел, судорожно хватая воздух из последних сил.

– Ты главное не дёргайся и не паникуй, – спокойно сказал Игорь, – плыви как плыл, а я буду тебя сзади подталкивать.

С Игоревыми толчками плыть стало значительно легче, и Павел кое как дотянул до отмели. Берег, казавшийся таким далёким, приблизился как-то вдруг. Вот и песчаное дно. Тело бьёт крупная неуёмная дрожь.

– Игорь, если бы не ты, я бы не доплыл! – пролепетал Павел, еле ворочая языком.

Игорь только отмахнулся:

– Да ладно ты! Там плыть оставалось-то метров двадцать!

Маша, остававшаяся на берегу, встретила друзей как героев, особенно Павла, когда узнала, что он толком не умеет плавать, а всё-таки поплыл – ради неё!

Симпатия между Палом и Машей переросла этим летом в чувство первой любви. Их близость была особенной: это была даже не близость, а полная прозрачность друг для друга. В ней не было ничего плотского, телесного, кроме редких и неумелых ещё поцелуев, но при этом присутствовало потрясающее и неповторимое чувство слитности, которое в старину называли «родством душ».

После школы Маша уехала учиться в Ленинград, писала ему оттуда письма, чистые и наивные в своей незамутнённой девичьей любви. Павел с нетерпением ждал каждого письма. Получив, по многу раз перечитывал странички, исписанные круглым ровным почерком, а вечером писал обстоятельный ответ, иногда засиживаясь до двух-трёх ночи.

В переписке они мечтали о встрече летом, но сразу после летней сессии Павел уехал на пионерскую практику, а потом улетел со стройотрядом в Новый Уренгой. Встреча произошла в единственный день между практикой и стройотрядом и потому получилась скомканной, от неё осталось чувство неудовлетворённости. Главной темой писем нового учебного года стала встреча следующим летом, которую решили провести в Ленинграде.

После второго курса перед археологической экспедицией Павел на целую неделю приехал в Питер.

Прилетев в Ленинград рано утром, он тут же поехал на тридцатом автобусе в центр и занял позицию у дома на Грибоедовском канале, где Маша поселилась у тётки. Павел знал, что в этот день у неё последний экзамен, и она вот-вот должна отправиться в институт. Набережная была на удивление пустой, и Маша заметила его издали. Он был в светло-сером костюме и чёрной водолазке. Павел тоже хорошо разглядел любимую, она надела в этот день синее джинсовое платье с холщовой сумкой, перекинутой через плечо. Они бросились друг другу навстречу, с разгона обнялись и закружились посреди мостовой.

Неделя в Питере пролетела как сладкий сон. Они были и в Эрмитаже, и в Русском музее, поехали по пригородам, пили кофе в питерских кофейнях, много разговаривали, целовались, но и на этот раз их отношения не зашли дальше платонических.

Воспоминания о питерской встрече продолжали будоражить воображение, бурный эпистолярный роман с Машей был в самом разгаре, поэтому общение с Натой казалось Павлу чисто дружеским.

Молодость постоянно расставляет людям ловушки. Когда кровь кипит, а гормоны кружат голову, очень трудно отделить то, во что хочется верить, от того, что происходит на самом деле.

А на самом деле день ото дня Павел и Ната становились всё ближе. После репетиций и концертов он часто провожал её домой. Они шли пешком от института до её дома сначала по ворохам опавших листьев, потом по первой ноябрьской пороше и, наконец, по тропинкам, расчищенным дворниками в снежных завалах. Снег искрился в свете уличных фонарей, напоминая огни городов, как они видятся из окна самолёта. Ната надела белую мохнатую шубу и в этом наряде была похожа на белого медведя. Она была смешной и трогательной в этой своей

медвежьей шубе. Во время ежедневных прогулок они много разговаривали. Павел рассказал Натe о Маше, а Ната ему о Проше, которого она ждала из армии.

– Давай будем беречь друг друга для своих любимых, – предложила Ната.

– Давай! – радостно согласился Павел.

Молодость легко даёт обещания и так же легко их нарушает. Если бы мы выполнили все обещания, данные самим себе и другим в пору нашей юности, наверное, наша жизнь сложилась бы совсем по-другому. Но молодость – клятвопреступница, и мало какие клятвы и обещания были нами действительно выполнены. Так случилось и с нашими героями.

Как-то раз под Новый год они оказались недалеко от дома Наташиной бабушки. Взглянув на знакомый сталинский дом, Павел вспомнил трагичную историю их дискуссионного клуба, и, глубоко вздохнув, сказал:

– Надо же, и трёх месяцев не прошло, а кажется, лет сто – не меньше!

– Давай, зайдём, – предложила Ната.

– А как же бабушка?

– Она всё ещё болеет, – ответила Ната, направляясь к подъезду.

Они вошли в квартиру. Всё здесь – и зелёный абажур люстры, и большой круглый стол в середине, и пианино в углу – напоминало о триумфе и последовавшей за ним катастрофе, но молодость быстро заживляет раны. Сейчас Павел смотрел на место их первого и единственного заседания, как смотрит ветеран на поле боя, где он пережил и восторг атаки, и страх смерти, и боль тяжёлого ранения, но ему всё равно приятно вспомнить своих друзей, медсестру, в которую он был влюблён, да и просто то, что всё это произошло в его жизни.

– А помнишь, а помнишь, – стали перебирать они общие воспоминания и сами не заметили как оказались совсем близко друг к другу, потом их глаза встретились, и в глубине глаз девушки Павел увидел какой-то скрытый призыв, смысла которого он ещё не мог до конца понять.

Здесь уместно сказать, что, несмотря на свои двадцать лет, Павел всё ещё оставался девственником. И это было несколько странно, поскольку, вопреки строгой советской морали, молодёжные нравы в восьмидесятые годы прошлого столетия не отличались излишним пуританизмом.

В Советском Союзе мало говорили о сексе. Можно сказать, вообще не говорили, если иметь в виду официальное искусство, образование, газеты и телевизор. Краткий курс полового ликбеза проводился только для подавших заявление в ЗАГС, но и этот суррогат сексуального просвещения часто игнорировался излишне скромными молодёжками. Родители, впитавшие в себя общий дух пуританской морали, тоже не особо откровенничали с детьми.

Молодые люди оказывались в очень сложном положении, когда пробуждающееся половое чувство искало выхода, но не могло найти из-за недостатка информации. Пробел в знаниях заполняло общение со сверстниками и старшими товарищами – половое просвещение стало своеобразной разновидностью молодёжного фольклора, в котором ценные для жизни сведения передавались, как когда-то народные сказки, из уст в уста. Ходили в молодёжной среде и письменные источники вроде американских затёртых до дыр «Плэйбоев» или перепечатанной на машинке «Кама-сутры» со старательно переведёнными чёрной тушью изображениями сексуальных поз.

Но беда в том, что повышенный интерес к вопросам пола казался Павлу чем-то зазорным. Он бежал от слишком откровенных разговоров на сексуальную тему, отказывался от засаленных листовок самиздатовской «Кама-сутры», ему были ближе советы Максима Горького и Николая Островского не поддаваться зову плоти, а бороться с ним изнуряющими физическими нагрузками. Следуя советам классиков, Павел активно занимался спортом: бегал кроссы, гонял на велосипеде, плавал в бассейне, играл в баскетбол; в стройотряд он записался тоже во многом для того, чтобы летом не поддаваться расслабляющей праздности.

Но, если честно, повышенные физические нагрузки помогали мало. Во сне случались ночные поллюции. Иногда сексуальное напряжение возрастало до такой степени, что приходилось мастурбировать, за что он потом долго себя ругал, считая онанизм стыдным и недостойным комсомольца занятием, и тем не менее, снова и снова прибегал к нему, потому что в борьбе духа и физиологии в большинстве случаев побеждает физиология, если, конечно, не иметь в виду великих аскетов и святых.

Так Павел мучился со своей проблемой, а вокруг ходили девушки, многие из которых готовы были принять участие в её решении. Павел отлично это понимал, но вместо того, чтобы попытаться сблизиться хотя бы с одной из этих девушек, он избегал их.

Все девушки в его сознании разделились на две большие группы: в одну попали прекрасные и недоступные, достойные лишь платонической любви (к их числу, безусловно, принадлежала и Маша), а в другую – весёлые и открытые, дразнящие своей возможной доступностью, но именно поэтому отвергаемые Павлом.

А половое напряжение всё настоятельнее требовало выхода, и сейчас, стоя лицом к лицу с Натой, он читал в её глазах тот страстный призыв, который давал надежду на невозможное счастье. Но что делать дальше? Ему было это неизвестно, он чувствовал только, как напрягся и вздыбился его член, упёршись в плотную ткань брюк.

Ната приблизила лицо к его лицу и нежно охватила его губы своими, он почувствовал её язык у себя во рту, и это было такое острое и мучительное наслаждение, от которого он, как ему показалось, улетел в какие-то иные миры. Она взяла его за руку и повела за собой в тот коридор, который оставался для него до последней минуты неизведанной территорией.

Коридор оказался узким и тёмным. Из него куда-то вели две двери. Ната толкнула одну из дверей, и они очутились в маленькой тёмной комнате с высоким окном и большой деревянной кроватью посередине. За окном светил уличный фонарь, освещая комнату тусклым золотистым светом. В свете фонаря кружились большие белые снежинки, похожие на медлительных сонных мотыльков.

Световое пятно от уличного фонаря, расчерченное тенью линиями от оконной рамы, лежало посередине кровати, а остальные части ложа, как и углы комнаты, терялись в густом сумраке. Лицо Наты и её большие распахнутые глаза светились в полумраке. Она сбросила вязаный кардиган, стянула через голову сначала блузку, а затем и шерстяную юбку, сняла полушерстяные колготки и осталась перед Павлом только в белых узких трусиках и бюстгалтере. Павел был ослеплён мерцанием её юного девического тела.

Ната легла на покрывало, и в свете уличного фонаря он увидел её всю – каждую ложбинку, каждую родинку. По телу пробегали волны мелкой дрожи, как будто девушка немного замёрзла, и ему захотелось скорее накрыть её собой, войти в неё, раствориться в ней, исчезнуть, умереть...

Глава 5

С тех пор бабушкина квартира стала местом их тайных свиданий.

В день, когда нужно было поливать цветы, Ната и Павел отправлялись туда после занятий. Ехали в одном трамвае, но в разных вагонах. Шли до дома порознь. Ната первая заходила в квартиру, он минуты через две-три. Эту конспирацию они придумали, чтобы соседи ничего не заподозрили и не поведали об их встречах родителям. К счастью, была зима, и любопытные старушки не дежурили на лавочке у подъезда. Чаще всего в это дневное время подъезд был пуст, а если кто из соседей попадался Павлу навстречу, он демонстративно проходил мимо конспиративной квартиры, поднимался на пол этажа выше, дожидался пока внизу хлопнет подъездная дверь, а затем быстро возвращался на второй этаж и проскальзывал в их убежище.

Остальное время они тоже были вместе – на занятиях, на репетициях, на концертах, в кино, на дискотеке – но там вокруг них всегда были люди, и только здесь они безраздельно принадлежали друг другу.

На зимних каникулах ездили с агитбригадой по сёлам области. Павел пел и играл на гитаре, Ната читала стихи и юморески, заполняя время между номерами. После концертов обычно устраивались застолья, где Павел снова играл, но пели уже все вместе, да и гитарист он был не единственный, и баян в их агитбригаде тоже имелся. Застолья проходили шумно и весело, но влюблённые не особенно веселились, потому что мечтали скорее вернуться в свою тайную квартирку, где они могли бы побыть, наконец, вдвоём.

Однако пока они ездили на своём маленьком ПАЗике по ухабистым замёрзшим дорогам, ночевали в холодных клубах или в районных гостиницах с ржавой раковиной в номере и тараканами по углам, бабушке стало лучше, и она перебралась обратно к себе. Ната радовалась за здоровье бабушки и в то же время огорчалась, что встречаться стало негде. К Павлу домой она почему-то категорически не хотела идти, а у неё дома был младший брат, который приходил со школы гораздо раньше, чем она из института.

После занятий или репетиций они долго бродили по заснеженному городу, заходили в подъезды, обнимались и целовались там до умопомрачения, но неудовлетворённое желание от этого только больше разгоралось.

Ещё одно мучило влюблённых – их незаконченные отношения с прежними возлюбленными. И Павел, и Ната продолжали любовную переписку, но их письма неизбежно становились всё сдержаннее, всё холоднее. Бывшие почувствовали перемену, и в их ответных посланиях зазвучали тревога, страх, подозрения.

Павел с Натой часто обсуждали эту ситуацию. Им было стыдно за своё предательство, но любовь в их глазах оправдывала всё.

А вскоре произошло событие, которое и вовсе отодвинуло их вину перед бывшими возлюбленными на второй план – Ната забеременела.

Павел не был у Наты первым мужчиной. Её первым мужчиной стал тот самый Проша, красавец и спортсмен, стройный мускулистый Аполлон с длинными каштановыми волосами, зачёсанными назад, с которым она сблизилась благодаря Римме ещё в конце девятого класса. Когда Проша вернулся с последних летних школьных каникул, он стал ещё выше, красивее и шире в плечах – Ната просто потеряла голову. Весь десятый класс она уже и не училась почти, а только общалась со своим ненаглядным Прошей. На выпускном вечере они протанцевали всю ночь, а под утро в укромной беседке на волжском берегу случилась их первая близость. На следующий день в голову полезли тревожные мысли о вероятной беременности, но старшая подруга Галя, которая училась в медицинском училище, просветила её насчёт календаря. Оказалось, что если заниматься сексом в «безопасные дни», то риска забеременеть почти нет. Ната быстро просчитала свой цикл и успокоилась, что всё случилось в «безопасный день».

После школы Ната поступила на истфак, а Проша не прошёл по конкурсу. Он устроился работать на завод, и они весь первый курс встречались, в основном, по выходным. Иногда, в «безопасные дни», Ната соглашалась на секс, но это было не главное. Главное – что через год Проша поступит в институт, станут вместе учиться, на последнем курсе поженятся, и у них непременно родятся дети, двое детей: мальчик и девочка.

Но Проша не оправдал надежд: не поступил и на следующий год, а осенью ушёл в армию. Ната писала ему в часть пылкие письма, клялась в вечной любви, считала дни до дембеля, но время и расстояние брали своё, образ Проши постепенно тускнел в её голове, и тут на горизонте появился Павел.

Сначала, когда они стали дружить вчетвером, Ната не очень высоко его оценила – её сердце было надёжно занято Прошей, к тому же Римма посвятила её в тайну своей безответной любви. Но чем дальше они общались, тем больше Павел начинал ей нравиться, и она ничего не могла с этим поделать. Как и с Прошей, она непроизвольно стала примерять его на роль отца своих будущих детей, и, надо признаться, примерка её удовлетворила.

Видя, какими глазами смотрит на неё Павел, Ната с каждым днём сокращала дистанцию между собой и им. Она льстила его тщеславию, восторгаясь его песнями, делала бесчисленные мелкие подарочки, вроде зажигалки или пачки сигарет «Marlboro», которые бог весть откуда добывал отец, а она потихонечку таскала их из распечатанных блоков. С каждой минутой она чувствовала, как нарастает влечение Павла к ней – и, наконец, решилась. Календарь безопасности был отброшен в сторону.

Узнав о беременности, Ната немедленно сообщила эту новость Павлу, и с горьким чувством отметила, насколько он озадачен случившимся.

– Можно сделать аборт, – чтобы как-то подбодрить обескураженного возлюбленного предложила она.

– Это не вариант, – возразил Павел, он много слышал о вредных последствиях абортов для молодого женского организма, и ему совсем не хотелось причинять вред своей возлюбленной, но сказал он другое, – мы ведь любим друг друга. Зачем же нам убивать нашего ребёнка? Пусть он увидит свет.

– Но ведь его надо будет воспитывать! Готовы ли мы к этому? – продолжала проверять потенциального мужа Ната, хотя за месяцы, проведённые вместе, уже достаточно хорошо его изучила, чтобы предвидеть ответ.

– А почему нет? – вполне ожидаемо ответил Павел, – Мало ли бывает студенческих семей! У других получается – и у нас получится.

– Мы с тобой не семья... – горько вздохнула Ната.

– Значит надо создать семью! – серьёзно ответил Павел.

– Это что – предложение, товарищ Семёнов? – глаза Наты радостно заблестели.

– Можно сказать и так! – поставил точку в их разговоре новоиспечённый жених.

Так без цветов, колец и свечей состоялась их помолвка.

Настало время знакомиться с родителями: Ната считала, что сначала необходимо познакомиться Павла со своими, а уж потом знакомиться с его.

До этого момента мир взрослых оставался где-то в стороне от молодых. Он, безусловно, существовал, из него поступали ресурсы, необходимые для жизни, и команды, с которыми так или иначе приходилось считаться, но это был далёкий и чужой, почти нереальный мир, живший по своим, непонятным и смешным, законам.

Мир Павла и Наты состоял из друзей и подруг, концертов и репетиций, ночных улиц и тёмных залов кино. В этом мире были сокровенные мечты, любимые книги, песни Высоцкого и Окуджавы, музыка «Битлз», прогулки на лыжах по зимнему лесу и много чего ещё, о чём

не расскажешь даже на сотне страниц. Этот мир был заполнен звуками, чувствами, дружбой и любовью. В этом мире было всё, но в нём даже близко не было взрослых.

Два мира – детей и взрослых – существовали параллельно, пересекаясь иногда во время семейных ужинов или совместных походов в театр, но даже тогда они оставались непроницаемы друг для друга.

И вот теперь мир взрослых властно вторгся в их юношеский мирок: он требовал социальной ответственности и соблюдения принятых норм и традиций. Одной из традиций было знакомство с родителями невесты, и сейчас этот обряд необходимо было исполнить.

Стояли ясные и тёплые апрельские деньки. Снег недавно сошёл, и листья ещё не развернулись, но уже проклюнулись, покрыв деревья салатовой дымкой. Повсюду рвалась к яркому солнцу и ультрамариновому небу свежая изумрудная трава. Зелёный цвет уверенно занимал своё место в палитре города.

Павел и Ната сидели на скамейке в сквере, раскинувшись по краю крутого волжского берега.

Внизу была хорошо видна Волга, по которой двинулись уже, отдохнувшие за зиму, баржи и теплоходы, полетели быстрокрылые «метеоры» и «кометы». Жизнь возвращалась на волжский простор.

– Ты бы хоть рассказала мне о своих родителях, – предложил Павел, глядя на бескрайнюю водную гладь, раскинувшуюся у них перед глазами, – чтобы я представлял, к чему мне готовиться.

Странно. За три месяца их бурного романа они говорили о чём угодно, но только не о родителях. Нет, конечно, они упоминались в разговорах в самых разных контекстах, например, «предки будут волноваться», или «надо посоветоваться с мамой», или «надо попросить у отца денег», но почему-то ни ему, ни ей никогда не приходило в голову расспросить о том, чем занимаются их родители, где они работают, чем живут.

– Родители как родители, – отвечала Ната, – мама работает редактором на телевидении, а папа у меня «агент 007».

– Не понял, что значит «агент 007»? – Павел вдруг почувствовал у себя под сердцем неприятный холодок.

Ната рассмеялась в ответ, но в её смехе Павел услышал тщательно скрытую тревогу.

Дело в том, что сейчас мечта всей её жизни могла в одночасье полететь под откос, но что поделать – нужно было открывать карты.

– Понимаешь, мой папа работает в комитете государственной безопасности, но об этом никому-никому нельзя говорить, – начала свой рассказ Ната. – Я сама узнала об этом только в шестнадцать лет. Представляешь, всё своё детство я понятия не имела, где он работает! Мне говорили, что он служащий. Так и в школьном журнале записывали «служащий», а место работы – обком партии, и телефон папин никогда не спрашивали, был указан только мамин рабочий телефон... Так что сейчас я посвящаю тебя в страшную государственную тайну, – Ната развернулась к Павлу всем телом и шутливо потрепала его рукой по волосам. Это был Натин жест, который Павел очень любил, но сейчас ему стало неприятно от этого прикосновения.

Чем дальше рассказывала Ната о своём отце, тем тревожней и тревожней становилось на душе у Павла.

– Ты говорила отцу обо мне? – спросил он, почувствовав неприятную сухость во рту.

– Конечно, я же должна просветить родителей, кто придёт к ним знакомиться!

– И как отец отреагировал?

– Я бы не сказала, что он был в восторге – всё-таки любимая дочь замуж собирается. Он меня всегда ревновал к моим парням. Но в целом одобрил. Сказал, приводи – познакомимся.

Если честно, Павлу совсем перехотелось знакомиться с родителями Наты, особенно с отцом.

– Слушай, – спросил он, – а ты случайно ничего не рассказывала отцу о нашем дискуссионном клубе?

Повисла неловкая пауза. Ната убрала руку с головы Павла и вся как-то сжалась.

– Ты думаешь, те разборки по поводу клуба случились из-за моего отца? – ответила она вопросом на вопрос.

– Я почти в этом уверен! – очень тихо сказал Павел, – Ну, так говорила или нет?

Нате стало по-настоящему страшно. Сейчас может рухнуть всё! Конечно, когда она почувствовала угрозу их общему будущему в оппозиционной настроенности Павла, она решилась рассказать обо всём отцу, чтобы он как-то ей помог, прекратил деятельность опасного дискуссионного клуба. При этом она просила, чтобы с Павлом ничего плохого не случилось, и получила это обещание. Нужно признать, отец сдержал слово – ведь никаких серьёзных неприятностей у «заговорщиков» не было, если не считать исключение Павла из комитета комсомола. Но как теперь посвятить во всё это своего любимого, не испортив с ним отношения?

Внутренне подобравшись и тщательно подбирая слова, Ната заговорила тихим дрожащим голосом, так не похожим на её обычно бойкую манеру разговора:

– Тогда, после заседания, я приехала домой поздно, и папа, разумеется, спросил меня, где я была? Я рассказала, что мы собирались с ребятами на бабушкиной квартире. Он задал мне несколько вопросов больше из вежливости, но совершенно не заинтересовался нашим дискуссионным клубом. Я клянусь тебе, если бы его что-то напрягло, он бы мне сказал об этом!

– Да, лет через шестнадцать, как про свою работу! – прозвучал язвительный ответ.

Павел не мог ответить себе на мучающий его вопрос: действительно ли Ната ничего не понимает или так искусно притворяется? И то, и другое было невыносимо. Любимая девушка открывалась для него с совершенно неожиданной стороны, и самое страшное состояло в том, что отступать было уже некуда. Он набрал побольше воздуха и задал самый главный для себя вопрос:

– А твоего папу случайно не Иван Матвеевич зовут?

Последовавшая пауза, казалось, длилась тысячу лет. По-весеннему свистели птицы, звенели звонки детских велосипедов, с Волги доносились гудки буксиров и теплоходов, а Ната всё молчала. Ей и в голову не могло прийти, что отец мог лично допрашивать Павла, и что тот «злой следователь», о котором Павел так много ей рассказывал, и есть её отец. Наконец, она собралась с духом и выдохнула:

– Да... Иван Матвеевич... А ты откуда знаешь?

– Был случай познакомиться... – убитым голосом почти прошептал Павел, – Послушай, давай немного перенесём знакомство с родителями. Соври что-нибудь. Скажи, что я заболел. Мне надо немного прийти в себя после сегодняшних известий.

Павел тяжело поднялся и, не оглядываясь, пошёл прочь из сквера.

– Паша, ты куда! Подожди! – Ната рванулась следом за ним, схватила его за руку и вернула к себе, – в чём дело? Мы же обо всём договорились. Родители ждут.

– Ты в самом деле дура или прикидываешься? – едва сдерживая переполнявшие его эмоции, почти закричал Павел. – Ты знаешь, что твой отец и есть тот следак, который допрашивал меня в обкоме? Неужели ты не понимаешь, что это ты сдала наш клуб?! Ты – и никто другой! Ну и как мне теперь с этим жить?

– Паша, извини, я правда этого не хотела, я даже не думала, что это могло произойти из-за меня! – залепетала Ната, и слёзы брызнули у неё из глаз, – Паша, прости меня! Прости! Неужели из-за такой ерунды мы будем ругаться?

– Это не ерунда, – зло ответил Павел и ещё решительнее зашагал к выходу из сквера. Ната, рыдая, осталась стоять среди зелени и ультрамарина апрельского дня. Старики, вышедшие из домов в этот тёплый солнечный день, чтобы погреть свои старые кости, с интересом смотрели на ссорящихся молодых, вспоминая годы своей юности, малыши гоняли на велоси-

педах, радостно трезвоня велосипедными звонками, птицы громким щебетом справляли свои птичьи свадьбы в ветвях лип и клёнов, а Ната стояла и плакала. Ей было нестерпимо больно от того, что воздушный замок её заветной мечты, возможно, навсегда разрушен. «Идиотка, – корила она себя, – зачем я всё рассказала отцу?» Но в глубине души она понимала: не погибни тогда дискуссионный клуб, может быть, и не было бы их прекрасного и волнующего романа.

Отец Наты – Иван Матвеевич Карабанов не был ни злодеем, ни садистом. Он родился в простой крестьянской семье в самом начале тридцатых годов, когда отгремели уже литавры сплошной коллективизации, и телячьи вагоны с раскулаченными растаяли в сибирских далях.

С раннего детства Иван узнал, что такое тяжёлый колхозный хлеб. Пришлось маленькому Ване и коров пасти, и лошадей в ночное гонять, и колоски за жнецами собирать, и мёрзлую картошку есть. В их семье росло пятеро детей, и Ване, как самому старшему, пришлось повозиться с братьями-сёстрами, опекая и защищая их от деревенских забияк.

Особенно трудно стало, когда всех мужиков из их колхоза позабирали на войну. Можно сказать, что в девять лет детство Ивана закончилось. И хотя школу по-прежнему приходилось посещать, и домашние задания никто не отменял, большую часть дня Иван проводил на колхозных работах вместе с женщинами и такими же как он малолетними мужиками, повзрослевшими сразу лет на десять.

Ивану повезло. Отец с войны пришёл живой. Безногий, но живой. Всю последующую жизнь Матвей Семёнович Карабанов перемещался на маленькой деревянной тележке, отталкиваясь от земли двумя деревянными чурбачками. Его инвалидность имела и плюсы, поскольку теперь его использовали на лёгких работах в колхозной конторе, и Матвей Семёнович пополнил ряды колхозной интеллигенции.

Когда вернулся отец, жить стало немного легче, и когда Иван без троек закончил семилетку, родители смогли выделить из семейного бюджета сто пятьдесят рублей в год, чтобы дать возможность жадному до знаний пацану продолжить обучение в средней школе. Школа была в шести километрах, за лесом, и Иван ходил туда и обратно каждый день по осеннему и весеннему бездорожью, зимой на лыжах по трескучим морозам и лютым метелям, но за всё время учёбы не пропустил ни одного урока без уважительной причины.

У Ивана появилась мечта – он твёрдо решил для себя, что станет большим человеком, вроде их председателя или директора школы, а для этого надо учиться, вот он и учился, как проклятый, зубря стихи, исторические даты и математические формулы, даже когда задавал корм пороссятам или шёл через тёмный декабрьский лес на широких самодельных лыжах, ориентируясь по звёздам.

После школы Иван поехал поступать в педагогический. С первого раза поступить не удалось, и осенью его призвали в армию. Как человека образованного – десятилетка в то время была ещё редкостью – его направили служить на Тихоокеанский флот. После учебки на острове Русский он попал в бригаду торпедных катеров. Непростая флотская служба давалась сообразительному и привычному к невзгодам деревенскому парню легко: начал он службу матросом-мотористом, а закончил мичманом-механиком катера. Вступил в партию. Получил положительную характеристику для представления в вуз. Так что четыре года отдал Родине не зря.

Со второго раза поступить получилось легко, потому что Иван шёл вне конкурса. На момент поступления на историческое отделение Средневожского истфила ему было уже полных двадцать три года, но он не сильно отличался возрастом от других студентов из их группы: вчерашних школьников среди них было человек десять, все остальные – или после армии, или после рабфака, – отличался он своим серьёзным отношением к учёбе и удивлявшей всех работоспособностью.

Серьёзного студента, к тому же партийного, быстро заметили в органах и пригласили к себе на беседу. Иван сразу понял, что перед ним открывается возможность, которой про-

сто необходимо воспользоваться. И он воспользовался. Все годы учёбы он исправно сочинял подробные отчёты для своего куратора из КГБ о морально-политической атмосфере на факультете. Особо не подличал, не старался никого подставить, не использовал преимуществ своего положения для сведения личных счётов.

Время тогда было смутное. Недавно умер Сталин, в конце первого курса состоялся двадцатый съезд КПСС, на котором Хрущёв выступил со своим секретным докладом о культе личности. Всех коммунистов института с содержанием доклада ознакомили на закрытом партийном собрании. Иван, как и многие тогда, был шокирован открывшимися фактами, но так же, как и многие другие, считал, что в главном товарищ Сталин был всё-таки прав, а некоторые «перекося» объяснял суровой исторической необходимостью и происками всяких проходимцев вроде Берии. Обсудив эту ситуацию с куратором, Иван получил подтверждение своим мыслям и успокоился. Куратор попросил Ивана утроить бдительность, поскольку под шумок борьбы с культом личности начали оживать вредные буржуазные течения.

Иван и сам это заметил. Некоторые преподаватели допускали какие-то странные непохожие на официально принятые высказывания на лекциях, некоторые студенты, особенно из городских, позволяли себе вольно рассуждать о необходимости перестроить всю жизнь на ленинских принципах. Иван всё это подмечал и аккуратно заносил в свои еженедельные отчёты. Что делали в «конторе» с его докладными записками дальше, Иван тогда ещё не знал, но замечал, что особо словоохотливые студенты через какое-то время начинали тщательнее подбирать слова, а преподаватели реже отклоняться от основного материала на скользкую стезю досужих размышлений «по поводу».

Когда настало время распределения, на Ивана пришёл вызов из областного управления КГБ СССР, и с тех пор до самого развала Советского Союза он работал там в отделе, который несколько раз менял название и подчинение, но занимался одним и тем же – политической слежкой за студентами и преподавателями вузов. Работал на совесть, от лейтенанта дослужился до полковника, от рядового сотрудника до заместителя начальника областного КГБ. Слыл хорошим специалистом, создал разветвлённую агентурную сеть, предотвратил сотни потенциальных преступлений против Советской власти. В его работе это считалось главным – не раскрывать уже совершённые преступления, а предотвращать их. Может быть, благодаря его хорошей работе в вузах Средневожска и не произошло за все эти годы ни одного настоящего антисоветского преступления. Ни один студент и ни один преподаватель за время его руководства отделом не был осуждён по 70-й статье УК РСФСР – и это было предметом тайной гордости Ивана Матвеевича.

Верил ли он в то, что делает? Считал ли правильным промывать мозги и портить карьеру молодым и не очень людям за чтение Ницше и Солженицина, не к месту рассказанный политический анекдот или сочинение упаднических стихов? Иван никогда не задавал себе этих вопросов. Он гордился принадлежностью к «конторе», ему нравилось чувствовать свою тайную силу над людьми, которую он мог применить, а мог не применять. Вот именно это чувство, что от твоей воли зависит судьба другого человека, больше всего и привлекало Ивана в его работе. Этой своей властью Иван никогда не злоупотреблял, что давало ему моральное право считать себя честным и порядочным человеком. «Я просто делаю свою работу», – говорил он себе, и судя по карьерному росту, делал он её не плохо.

Ивана ценили начальники и сослуживцы, ему льстило быть членом чекистского братства, частью той могучей силы, которая незримо определяет многие процессы не только внутри страны, но и на мировой арене. После тяжёлого крестьянского детства и непростой юности Иван наслаждался огромными возможностями, которые открывала для него его работа, и которых становилось всё больше и больше по мере продвижения его по служебной лестнице.

На четвёртом курсе Иван влюбился в студентку-первокурсницу литературного отделения тогда ещё объединённого историко-филологического факультета. Её звали Галей. Она

происходила из известной в городе семьи Героя Советского Союза Чурина Константина Георгиевича, боевого генерала, прошедшего всю войну, после войны командовавшего известным на всю страну Средневожским танковым училищем и умершего от инфаркта после знакомства с секретным докладом Хрущёва. Так же как когда-то Иван поставил себе задачей поступление в институт, теперь он поставил перед собой цель завоевать сердце Гали. После целого года ухаживаний Иван сделал Галине предложение, которое она охотно приняла. Иван поселился вместе с супругой и её матерью Викторией Трофимовной в трёхкомнатной генеральской квартире. Здесь же родилась Ната, а когда Нате было семь лет, Ивану дали служебную однокомнатную квартиру. Иван, уставший от жизни с тётшей под одной крышей, немедленно перевёз туда жену, а вот Нату, в её интересах, решено было оставить с бабушкой – здесь и до школы было ближе, и уход был обеспечен. Так и получилась, что Ната при живых родителях оказалась «бабушкиной дочкой».

Иван Матвеевич очень любил свою дочь, и как только сын Андрейка немного подрос, а они получили, наконец, трёхкомнатную квартиру в центре, он тут же забрал дочь к себе, но ей было к тому времени уже четырнадцать лет.

Всю жизнь, до самой смерти Иван Матвеевич винил себя за то, что те семь лет, может быть, самые важные семь лет в жизни дочери, не был ежедневно с ней рядом. Ему казалось, что и её нелепый ненужный брак с Павлом во многом возник как следствие тех одиноких лет.

– Дочка, подумай, тот ли это человек, который тебе нужен? – увещевал он свою дочь.

– Папа, я люблю его, – отвечала Ната, и Ивану Матвеевичу не оставалось ничего другого, как смириться с неизбежным.

Глава 6

Незадолго до окончания третьего курса Павел куда-то пропал.

Ната приходила на занятия одна, грустная и потерянная. Римме хотелось подойти к ней и спросить, что с Павлом, но в последнее время они почти не разговаривали.

По истфаку поползли слухи. Говорили, что Павел ушёл из дома, загулял, связался с плохой компанией, что его вот-вот исключат или уже исключили из института. Римма не знала, что в этих слухах правда, а что ложь. Игорь тоже мало что мог прояснить – Павел как будто избегал его. Иногда они случайно встречались в их общем дворе, и Игорь пытался заговорить с другом, но Павел на все вопросы отвечал расплывчато, отводил глаза – и старался побыстрее свернуть разговор.

В начале мая по коридорам и аудиториям пединститута начал циркулировать новый слух о том, что Ната и Павел поженились. Хотя никого из институтских на регистрацию не приглашали и никакой свадьбы не устраивали, весть каким-то непостижимым образом всё-таки распространилась, и все стали Натю поздравлять.

Подошла к своей бывшей подруге и Римма. Она нежно обняла и поцеловала её в щёку – и это были их последнее объятие и последний поцелуй, мысленно Римма навсегда исключила Натю из своей жизни.

Павел перестал бывать не только на лекциях и семинарах, но и на репетициях в студклубе, однако здесь, в студклубе, информация о новой жизни Павла была более подробная и достоверная. Дело в том, что ребята из вокально-инструментального ансамбля «Конфетти» часто пересекались с Павлом на разных квартирниках и богемных вечеринках, в которых он, судя по всему, принимал самое активное участие.

Римма стала ходить на репетиции ансамбля, познакомилась со всеми его участниками и добилась, что её стали приглашать на тусовки «для своих», где она надеялась встретить Павла.

Однажды ей повезло. Дело происходило в чьей-то однокомнатной квартире. Мебели почти не было, но зато у стены напротив окна стояли две огромные колонки, подключённые к магнитофону «Маяк». В однушку набилось человек тридцать, не меньше. Расселись на диване, стульях и даже на полу, кто-то постоянно толкался на кухне и в прихожей. Входная дверь то и дело открывалась и закрывалась, впуская новых посетителей и выпуская желающих покурить на лестничной клетке. Курили также в комнате и на балконе – сизый табачный дым плотным туманом висел в воздухе. Из рук в руки передавались бутылки и стаканы с водкой, пивом, плодово-ягодным и сухим болгарским вином со странным названием «Медвежья кровь». Закуски практически не было – только плавленые сырки, заботливо нарезанные кем-то на узкие длинные ломтики. Молодёжь гудела, активно делилась последними новостями из столичной и зарубежной музыкальной жизни. Хозяин квартиры, как величайшую драгоценность, извлёк из коробки катушку с магнитной лентой и зарядил её в магнитофон. На чёрном корпусе «Маяка» зажглись какие-то кнопочки и окошки, задёрнулись стрелки, бобины начали своё неспешное вращение, и из огромных чёрных колонок полился мощный и чистый почти студийный звук. Это была группа «Карнавал».

Все разговоры моментально смолкли. Аудитория превратилась в единый организм, загипнотизированный волшебной флейтой крысолова. Басы колотили в грудь, заставляя сердце биться учащённо, гитарные рифы поражали своей виртуозностью, голоса вокалистов проникали глубоко внутрь и вибрировали там в каждом нерве. Рок-группа пела о том, что волновало, что было понятно и знакомо, тексты подкупали своей искренностью и какой-то настоящностью:

Свет звёздных ливней.

Были счастливыми часто при них.
Мы и не думали, что где-то в сумерках
Ждёт нас тупик.
Слишком похожи мы, слишком похожи мы
Вот в чём беда.
Есть только прошлое,
Это прошлое путь в никуда.

Слова песни болью отзывались в душе Риммы, напоминая ей о её безответной любви: есть только прошлое, это прошлое – путь в никуда! А у её любви и прошлого то нет!

В этот момент в дверях комнаты вдруг появился Павел. Он пришёл в сопровождении не знакомых Римме ребят и девчонок. Все были явно навеселе. Одна девица с густо накрашенными губами и ресницами повисла у него на правой руке. В комнате было темно, и Павел не мог увидеть Римму, а вот она очень хорошо его видела – застывшего в квадрате света, в шляпе, съехавшей на затылок, сером распахнутом плаще и с дымящимся окурком сигареты в свободной руке. На лице Павла застыла ухмылка человека подшофе, но в его глазах Римма прочитала такую тоску, что её захлестнула волна острой жалости к этому потерянному человеку.

Послушав пару композиций, Павел развернулся и направился к двери. Римма последовала за ним.

Компания вышла из подъезда и направилась по тихому вечернему двору к главной улице города. Эта улица – названная именем великого русского писателя – отличалась от всех других тем, что прямо по её середине проходил тенистый сквер, засаженный липами, клёнами и тополями, но самое главное – сиренью. Стоял май, и сирень благоухала, светясь под тусклыми фонарями бульвара.

Компания двинулась по бульвару в сторону центра, смеясь и громко разговаривая. Римма догнала Павла и взяла его за локоть. От неожиданности Павел вздрогнул и остановился. В следующую секунду он оглянулся, их глаза встретились.

– Римма? – удивился Павел, – что ты здесь делаешь?

– Я проходила мимо и случайно увидела тебя, – соврала девушка.

Компания остановилась и пьяно загудела, призывая Павла продолжить променад.

– Павел, мне очень надо с тобой поговорить! – выпалила Римма, не отводя взгляда, – ты можешь на минутку оторваться от своей компании?

Павел был явно озадачен и сбит с толку её настойчивостью, во всём этом чувствовалась какая-то загадка, которую непременно хотелось разгадать.

– Ребята, вы идите без меня! У меня тут важный разговор! – извинился он перед своей компанией и направился в другую сторону вслед за Риммой.

Несколько минут они шли молча. Редкие машины освещали их фарами и исчезали в темноте, помигав на прощание красными сигнальными огнями. Изредка навстречу попадались одинокие прохожие, прогуливающиеся перед сном; плотно приросшие друг к другу, прошли влюблённые, не замечая ничего вокруг; толстая тётка в облезлой кацавейке выгуливала на поводке такого же облезлого пса неизвестной породы и говорила ему с укором: «Ну что ты опять натворил! Зачем ты туда полез? И не стыдно тебе?». Пёс виновато смотрел на хозяйку, как будто и правда мучился угрызениями совести.

Павел с Риммой всё шли и шли в направлении обелиска, возвышающегося на крутом уступе волжского берега. В этот поздний час обелиск был освещён яркими прожекторами и напоминал космический корабль, готовый к старту. Молчание затягивалось. Павел уже думал, правильно ли он сделал, что оставил весёлую компанию и теперь идёт по ночному городу с этой странной девушкой, больше похожей на мальчика-подростка в своей бесформенной куртке с капюшоном и неизменных джинсах. Наконец, Римма заговорила:

– Павел, прости меня, если я слишком назойлива, просто я очень хочу тебе помочь – я вижу, как тебе тяжело, и мне кажется, тебе нужен сейчас человек, который просто мог бы выслушать тебя, не задавая лишних вопросов. Если хочешь, я могу быть таким человеком.

Проговорив на одном дыхании эту заученную фразу, Римма снова замолчала, мысленно ругая себя за глупость и боясь, что Павел сейчас развернется и уйдет. Но вместо этого Павел вдруг улыбнулся и посмотрел на неё новым заинтересованным взглядом.

Павел давно замечал, что Римма равнодушна к нему, но старался не думать об этом – ведь он слишком хорошо знал о чувствах Игоря к девушке. К тому же он любил Машу, а потом у него начался роман с Натой, короче ему явно было не до Риммы. Но теперь всё изменилось: Ната предала его, образ Маши на глазах тускнел, вытесняемый бурными событиями последних месяцев, – и Павел как будто впервые разглядел это искренне преданное ему существо.

– Что ж, давай попробуем, – согласился он. – только откровение за откровение – ты мне тоже расскажешь всё о себе!

– Идёт! – охотно приняла условие Римма и счастливо улыбнулась, в первый раз за много месяцев.

Так начался их странный роман. Если вообще эти болезненные надрывные отношения можно назвать романом.

В конце июня Павел уходил в армию, и в запасе у Риммы был всего месяц, чтобы достучаться до его сердца. Шла летняя сессия, и Римма целыми днями сидела дома, внешне готовясь к зачётам и экзаменам, а внутренне ожидая встреч с Павлом.

Она жила с мамой в маленькой квартирке на последнем этаже шестиэтажного дома без лифта. Квартира состояла из тесной кухоньки, ещё более тесной прихожей, совмещённого санузла и двух смежных комнат: в большой, проходной, жила мама, а крохотная тупиковая была её девичьей обителью. На восьми квадратных метрах умещались шкаф, письменный столик со стулом у окна и диван, который, если его разложить, занимал почти всю комнату, но Римма его никогда не раскладывала и спала на его половинке. Комната была такой маленькой и тесной, что вполне могла бы стать причиной униполярной депрессии, если бы не потрясающий вид из окна – это был вид на волжских простор, по которому постоянно сновали баржи и теплоходы, юркие катера и парусные лодки. В ясные дни можно было различить противоположный берег реки, поросший сосновым лесом, но чаще всего он лишь угадывался и был вечно задёрнут какой-то сизой дымкой. А вот бескрайнее, текучее, непрерывно меняющееся небо над Волгой хорошо просматривалось в любой день, не уставая удивлять неповторимостью и богатством красок. Римма любила часами сидеть у окна и смотреть на проплывающие мимо облака, принимающие форму различных животных и сказочных существ.

Именно в эту квартиру приходил к ней Павел. Она всегда безошибочно угадывала его звонок. Бежала встречать в прихожую, сразу же повисала у него на шее. Он был большой и широкоплечий, а она маленькая и худенькая, поэтому он подхватывал её на руки, как ребёнка, и нёс в комнату. По пути они преодолевали мамину территорию, но мамы дома никогда не было, потому что встречи происходили только днём и только в рабочие дни.

Что они делали в её комнате? Да ничего особенного. Они сидели на диване – она у него на коленях, а иногда рядом, положив голову к нему на плечо, – или он лежал, положив голову ей на колени; порой они вместе смотрели в окно, фантазируя, на что похожи проплывающие мимо облака. Он то утыкался носом в её волосы, то нежно держал её руку в своих ладонях, иногда чуть касался губами её щёк, лба, подбородка. При этом они непрерывно разговаривали, точнее, говорил обычно Павел, а Римма его внимательно слушала. Так слушать, как слушала Римма, не умел ни один человек на свете. Павлу ни с кем не было так хорошо и спокойно.

Римма любила его до безумия. Он казался ей отцом, которого она никогда не знала, старшим братом, о котором мечтала с детства, мужем, хотя она отлично понимала, что он муж совершенно другой женщины, которая к тому же ждёт от него ребёнка.

Чувство вины перед Натой присутствовало, конечно. Ей неловко было встречаться с бывшей подругой на консультациях и экзаменах и невольно замечать всё округляющийся под лёгкими летними платьями животик, но запретить себе видеться с Павлом было выше её сил.

«Мы не делаем ничего предосудительного, – успокаивала свою совесть Римма, – Ната сама виновата в том, что мало любит его, что ему с ней плохо. В конце концов, Ната поступила нечестно: она знала, как я люблю Павла, но перешагнула через мою любовь. Сейчас я могла бы носить его ребёнка, а не она!»

Ещё больше неприязнь к Нате усилилась, когда Римма узнала, кто предал их дискуссионный клуб.

– И как она после этого может смотреть тебе в глаза? – возмущалась девушка.

– Римма, не сыпь мне, пожалуйста, соль на рану, – просил Павел, и Римма тут же замолчала, боясь, что в следующий раз он просто не придёт.

Однажды Павел рассказал ей о Маше, искренне переживал и раскаивался за то, как nepорядочно поступил с девушкой, но, как ни странно, Римме было приятно это услышать. В то время в молодёжной среде ходила древняя народная мудрость: «На чужом горе своего счастья не построишь». Эта пословица постоянно кружилась у Риммы в голове, отравляя часы свиданий с Павлом. Узнав, что Ната сама разрушила отношения Павла с другой девушкой, Римма впервые применила пословицу не к себе, а к Нате. Теперь встречи с Павлом она начала воспринимать как восстановление попранной справедливости: Ната как бы получала по заслугам за страдания, которые она принесла Маше.

И всё было бы хорошо, но Римму удивляло, что за весь месяц их почти ежедневных встреч Павел ни разу не сделал даже попытки поцеловать её по-настоящему, потрогать её грудь или бёдра, раздеть её или раздеться самому. Римма с радостью сама проявила бы инициативу, но она была ещё девственницей, очень боялась показаться нескромной и неумелой, неведомая ей область половых отношений пугала её, пугала и манила: она ждала со страхом и нетерпением, что вот-вот Павел приступит к главному. Внутри неё всё переворачивалось и сжималось от сладкого страха и мучительного ожидания, но минуты складывались в часы, часы в дни, дни в недели, а главного так и не происходило.

Срок отправки Павла в армию, тем временем, стремительно приближался, и вот настал день накануне его ухода на сборный пункт.

В этот день Павел был особенно нежен: он держал её на руках, гладил по волосам, покрывал поцелуями её лицо, даже касался губ. Внутри у Риммы всё кипело, в низу живота стало влажно и горячо, она ласкала его плечи, целовала лицо. В какой-то момент она почувствовала как увеличился и затвердел его член, у неё в голове всё кружилось, ещё чуть-чуть – и она сама бросилась бы расстёгивать его рубашку. Но тут Павел, бережно освободившись от её объятий, встал и подошёл к окну. Римма осталась лежать на диване, призывно глядя на него, её глаза горели, губы пересохли.

Павел смотрел в окно и видел девушку лишь боковым зрением. По Волге проплывал большой четырёхпалубный теплоход, окно было открыто, и вместе с порывами ветра с реки долетали обрывки мелодии, звучащей на судне. Гигантские кучевые облака, похожие на горы Кавказа, громоздились на горизонте.

– Павел, возьми меня, я больше не могу так, я вся твоя, вся-вся, до последней капельки – говорила Римма в каком-то полубреду. Кисти её рук были тесно зажаты между коленями. Голубые глаза превратились в два тёмно-синих бездонных колодца, в которые было страшно заглянуть.

– Римма, сейчас мы можем сделать непростительную ошибку, – сказал вдруг Павел, и Римма поразилась тому, как сухо и нравоучительно прозвучал его голос.

– Плевать на ошибку, – застонала она, – иди ко мне. Я не могу без тебя жить. Ты это понимаешь?

– Это тебе сейчас так кажется, – продолжал чужим голосом Павел, – завтра ты проснёшься и поймёшь, что я поступил совершенно правильно. Прости, но сейчас я должен уйти.

Не глядя на неё, он стремительно направился к выходу. Римма была так потрясена, что даже не пошла его провожать. Она слышала, как щёлкнула собачка в замке, как открылась, а затем захлопнулась дверь. И всё стихло.

Со следующей недели Римма стала каждый день проверять почтовый ящик – нет ли там солдатского письма без марки, но за два года службы Павел не написал ей ни строчки. В сентябре Ната не появилась в институте вместе с другими студентами, вернувшимися с каникул, а в октябре стало известно, что она родила сына. Студенты быстренько собрались ей на подарок, накупили каких-то пелёнок-распашонок, и делегация девиц с курса поехала устраивать смотрины малышу. Римма, разумеется, не поехала.

Ей казалось, что жизнь её закончилась, появилась навязчивая мысль, что смерть была бы счастливым избавлением от той душевной муки, в которую она погрузилась после расставания с Павлом. Ложась спать, она подолгу смотрела на упаковку таблеток снотворного, размышляя: не выпить ли их все? Принимая ванну, рассматривала голубые дорожки вен на руках и вскрывала их опасной бритвой в своём воображении.

Игорь между тем продолжал ошиваться рядом: приглашал её то в кино, то на танцы, провожал до дома и дарил всякие забавные мелочи, причём постоянно шутил и развлекал её, как мог. Он был милый и забавный, этот Игорь, а Римма была несчастна и одинока. По ночам она рыдала в подушку, чтобы не слышала мама за стенкой. Мама чувствовала, что с дочерью происходит что-то неладное, пыталась вызвать её на откровенность, но дочь уклонялась от разговора.

Время, как известно, лечит всё, что не убивает, а Римма была слишком молода и здорова для того, чтобы покончить счёты с этой жизнью, поэтому однажды хмурым ноябрьским утром она вдруг почувствовала себя вполне выздоровевшей от болезни по имени Павел.

Римма очень хорошо запомнила тот день, по нелепой случайности совпавший со смертью Брежнева. День был тревожный и inferнальный, казалось, небеса разверзлись над страной, и в образовавшуюся дыру ворвались ледяные космические ветры. Гудели сирены противоздушной обороны, по радио звучала траурная музыка, были приспущены красные флаги, и на них появились чёрные траурные ленты. Раньше казалось, что Брежнев никогда не умрёт, он был всегда, сколько Римма себя помнила, и вот он умер. Это всё равно, как вдруг исчезла бы луна с небосвода – висела-висела каждый вечер, и вдруг пропала навсегда.

В тот день Римма и Игорь ушли с занятий раньше обычного, потому что и занятий то толком никаких не проводилось. Бродя по городу, они не заметили, как снова оказались на том самом месте волжской набережной, где Игорь год назад признался в своей любви.

Дойдя до памятного места, оба, как по команде, замолчали. И без слов было понятно, что они вспоминали событие годичной давности. Первой тишину нарушила Римма:

– Предложение ещё в силе? – спросила она.

– Конечно. Можно было и не спрашивать, – покраснев и смутившись, ответил Игорь.

– Что ж, испытательный срок у нас был долгий. Я всё обдумала и решила – я принимаю твоё предложение.

Игорь просто ошалел от радости. Он бросился к Римме, обнял за талию и стал покрывать поцелуями её лицо. Римма закрыла глаза и подставила губы для поцелуя. Это был первый в её

жизни настоящий поцелуй, ей казалось, что это Павел целует её, она усилием воли пыталась отогнать непрошеное видение, но оно не исчезало.

Свадьбу сыграли в феврале, а уже в марте Римма поняла, что беременна. По странной иронии судьбы девочка появилась на свет одиннадцатого ноября, навечно закрепив в их семейном календаре дату помолвки родителей.

Ксюша росла болезненным и тревожным ребёнком. Днём могла спать только на улице в движущейся или покачивающейся коляске. К счастью, недалеко от дома Игоря, где первое время поселились молодые, находился уютный детский парк с тенистыми аллеями и игровыми площадками. Первый год Ксюшиной жизни Римма наматывала круги по этому парку, обеспечивая дочурке дневной сон.

Именно в этом парке в один из летних дней примерно через полгода после рождения Ксюши Римма случайно встретила с Павлом. Она помнила, что он вот-вот должен был вернуться из армии, но не знала, что он уже вернулся. В этот день Павел с сыном Женькой навещал своих родителей и после визита решил показать малышу парк своего детства. Женя был уже полуторагодовалым крупным бутузом, очень похожим на своего белокожего и сероглазого папашу. Щёки торчали из-за ушей, если смотреть сзади, волосы вились золотой волной, он сидел в раскладной коляске и сурово взирал на проплывавшие мимо него транспортные средства других малышей.

В армии Павел сильно возмужал. Это был уже не тот нежный и романтичный юноша, каким запомнила его Римма, а зрелый мужчина с загрубевшими чертами лица и спокойным умным взглядом несколько потемневших от времени глаз.

Римма была в домашнем сарафане, стареньких шлёпанцах, без макияжа, с гладко зачёсанными и стянутыми в хвост волосами. Когда она заметила Павла, первым желанием её было развернуться и скорее убежать, но бежать было уже поздно – Павел узнал её и приветливо помахал рукой.

Их коляски поравнялись. Они поздоровались. Стали рассматривать деток и взаимно восторгаться ими. Ни словом, ни пол словом не обмолвились они о том незабываемом месяце два года назад в маленькой квартирке на шестом этаже, как будто бы его и не было.

А ведь был! Был! Сейчас Римма жила совсем другой жизнью, но воспоминания постоянно захлёстывали её, врываются в ночные сны. Из-за этих назойливых воспоминаний она старалась реже бывать у мамы, а когда всё-таки бывала, никогда не заходила в свою девичью комнату, как будто там поселился дух их любви, с которым Римма боялась встретиться.

Они проговорили примерно с полчаса. Как Ната? Ничего. Как Игорь? Замечательно. Обменявшись новостями последних двух лет, постояли немного молча, и Римма сказала: «Ну, ладно, я пойду – пора Ксюшу кормить! Приятно было увидеться...» И всё. И никаких воспоминаний. Всё, что было, было не с ними теперешними, а совсем с другими людьми. Юными и безгрешными. Они умерли, те другие люди. Их больше нет. Павел, казалось, хотел ещё что-то сказать, но промолчал.

– Ну, пока! – нарушила молчание Римма и стронула Ксюшину коляску с места.

– Пока! – откликнулся Павел и повёз экипаж своего сына в другую сторону.

Распрощавшись, Римма быстро зашагала к выходу из парка, чтобы случайно не встретиться с Павлом ещё раз. Всё было ещё слишком больно. И неотступно в мозгу звучала одна и та же мысль: «Это мог быть наш ребёнок!» Кого именно Римма имела в виду – свою дочку или Пашиного сына – она и сама не смогла бы ответить на этот вопрос.

Глава 7

Два месяца перед отправкой Павла в войска, стали самым тяжёлым периодом жизни Наты. С Павлом происходило что-то неладное. Он перестал ходить на занятия, забрал документы из института и в тот же день сообщил в военкомат, что он больше не студент, чтобы его призвали до конца весенне-летнего призыва. Ната плакала и умоляла его не делать этого, но Павел отвечал, что после всего произошедшего всё равно не сможет продолжать учёбу. Армия казалась ему единственным выходом из тупика, в который его загнала жизнь.

Когда Павел не приходил ночевать, Ната сильно переживала, звонила его родителям, но Павел и там появлялся поздно, если вообще появлялся. Когда, поддавшись её настояниям, Павел изредка ночевал в её постели, она чувствовала исходящий от него запах алкоголя и ещё какие-то едва уловимые запахи, в которых ей чудились ароматы других женщин.

Ната стала следить за ним и однажды увидела, как он заходит в подъезд, где жила Римма. Вышел он только через час и опять отправился на какую-то очередную тусовку. Ната чувствовала себя покинутой и ненужной.

«Что со мной не так? – думала Ната, – Почему мне приходится с боем брать то, что другим людям достаётся само собой, без малейших усилий? И даже добившись своего, я никогда не могу быть уверена в прочности и долговечности своего завоевания?»

Семью Наты можно было считать вполне успешной советской семьёй. Родители занимали ответственные посты и имели доступ к источникам дефицитных товаров и бесплатных социалистических благ. Ната с детства ни в чём не нуждалась. Ни в чём, кроме родительской любви.

Мама с утра до ночи пропадала на телевидении, отец со своей работы всегда приходил очень поздно, часто дежурил по праздникам и в выходные дни. Вспоминая детство, Ната видела мысленным взором рядом с собой не маму с папой, а бабушку – Викторию Трофимовну, вдову боевого генерала, Героя Советского Союза, которого Ната знала только по фотографиям, да табличкам с названием улицы.

Она хорошо помнила бабушкины седые волосы, схваченные на затылке в пучок, её узловатые покрытые пигментными пятнами руки. Помнила их тихие вечера, когда бабушка вязала свитер, расположившись в глубоком кресле, а Ната сидела за круглым столом под лампой с зелёным абажуром и учила уроки. За окнами летели снежинки, или шёл дождь, тикали ходики старинных часов с боем, а мама всё не приходила, и это томительное ожидание мамы стало лейтмотивом всего Натаино детства.

Каждая встреча с мамой и папой была для Наты настоящим праздником. Ей казалось, что если она будет хорошо учиться, помогать бабушке по дому, примерно себя вести – родители заметят, какая у них чудесная дочь и возьмут её жить к себе, но, как она ни старалась, родители по-прежнему были заняты своей жизнью, приезжая только на выходных. А когда появился маленький Андрейка, Нате показалось, что о ней совсем забыли.

Многие дети страдают от недостатка внимания со стороны родителей, но на всех это обстоятельство оказывает разное действие: одни замыкаются в себе, уходят в мир иллюзий и фантазии, другие начинают демонстрировать свой протест, попадают в плохие компании, злоупотребляют алкоголем и наркотиками, на Нату данный факт её биографии повлиял совершенно неожиданным образом – она стала перфекционисткой. Училась она только на «четыре» и «пять», тщательно следила за своим внешним видом, любое дело, за какое бы она не бралась, должно было быть сделано на высочайшем уровне качества и точно в срок. Она и в Прошу влюбилась во многом из-за своего перфекционизма, потому что он был самым красивым и сильным в классе, да и разлюбила по той же причине – поскольку он не оказался самым умным.

Павел, в отличие от Проши, обладал не только хорошими физическими данными, но был, бесспорно, умён и талантлив. Разумеется, Ната увлеклась им и сделала всё возможное, чтобы

он принадлежал только ей, даже с подругой поссорилась. Казалось бы, всё получилось, они поженились, но что-то вдруг пошло не так – Павел ускользал из её рук, и она не знала, что можно с этим поделать.

Несколько раз она пыталась поговорить с Павлом, в том числе интересовалась, зачем он бывает у Риммы. Павел спокойно выслушивал её претензии и отвечал, что ничего предосудительного не делает, просто, он хочет немного пообщаться с друзьями перед армией, потому что потом целых два года он будет лишён такой возможности. Хорошего разговора не получалось, они как будто говорили на разных языках – и Ната оставила эти попытки.

Предлагал свою помощь отец.

– Хочешь, я его пришучу, – говорил он, – как миленький будет дома сидеть и на сборный пункт собираться.

Ната с радостью согласилась бы на предложение отца, но она помнила, каким боком вышло ей отцовское вмешательство в дела дискуссионного клуба, и умоляла Ивана Матвеевича ничего не предпринимать.

– Папа, мы сами разберёмся, – говорила она, хотя сама не очень в это верила.

Однажды после консультации по политэкономии социализма Ната преодолела свою гордость и подошла к Римме.

– Римма, я очень виновата перед тобой, – сказала она, – но что случилось, то случилось. Сейчас Павел мой муж, и с этим фактом нельзя не считаться. Ответь мне, пожалуйста, только честно, у тебя есть что-то с Павлом?

– Что ты имеешь в виду? – напрямую спросила Римма, глядя в глаза бывшей подруги.

– Зачем он ходит к тебе домой?

– Это ты лучше у него спроси.

– А почему ты не хочешь мне ответить? Тебе есть что скрывать?

– Если ты имеешь в виду секс, то могу тебя успокоить – мы с Павлом просто друзья, как и с Игорем. Зря ты вообще Павла на себе женила – такая хорошая компания у нас была!

– Сделанного не воротишь, – закруглила разговор Ната, – надеюсь у тебя хватит совести не разбивать нашу семью!

Римма в ответ только пожала плечами.

Проводив Павла, Ната почувствовала облегчение – теперь она хотя бы точно знала, где он находится в каждый момент времени. Она боялась, как бы его не забрали в Афганистан, но Павел попал в учебный полк на Урале, да так и застрял там до конца службы, так что варианта попасть под душманские пули у него, к счастью, не было.

Нате снова предстояли два долгих года ожидания, она как будто вернулась на полтора года назад, когда проводила в армию Прошу. Опять та же тоска, тот же внутренний бессильный протест против несправедливости жизни, та же жалость по отношению к безвозвратно уходящему времени. Но было и отличие. Оно состояло в том, что теперь Ната ждала не только любимого человека из армии, но и появления на свет ребёнка, который с каждым днём всё настойчивее заявлял о себе в её чреве.

Она не знала ещё этого ребёнка, не знала даже мальчик это или девочка, но уже любила его той безусловной нутряной любовью, которой только мать способна любить своё дитя. Она представляла, каким прекрасным и умным будет этот ребёнок, как она будет о нём заботиться, как пеленать, кормить и купать, какую чудесную колясочку ему купит. Она представляла младенца спящим, или теребящим её сосок своими тёплыми нежными губами, или протягивающим к ней свои пухлые маленькие ручки. Она представляла малыша подростком, как он будет делать первые шаги, говорить первые слова, как он пойдёт в школу – и тут вопрос пола будущего ребёнка вставал в полный рост. В те времена аппараты УЗИ были ещё очень большой редкостью и не применялись в широкой медицинской практике, поэтому о поле будущего ребёнка

приходилось только гадать. Иногда она представляла себе девочку и думала, какие платья будет ей покупать, какие банты завязывать, но чаще почему-то ей виделся мальчик, светленький и ясноглазый – похожий на Павла. Он приходил к ней во сне и, чем ближе к родам, тем чаще. Она даже имя ему придумала в честь героя любимого фильма «Ирония судьбы, или с лёгким паром» – Женя. Это имя было удобно ещё и тем, что, если бы вдруг родилась девочка, его не надо было бы менять. Она написала свои мысли по поводу имени Павлу, и муж её поддержал.

Об изменившихся обстоятельствах своей жизни она написала Проше. Тот в ответ прислал полное горьких и обидных слов письмо, в котором на двух страницах рассуждал, какими подлыми и коварными существами бывают некоторые девушки, и желал Нате всего хорошего в её браке. Из армии он так и не вернулся – закончив школу прапорщиков, он остался на сверхсрочную службу.

Разобравшись, наконец, со своей старой любовью, Ната полностью сосредоточилась на ожидании родов. Это было противоречивое чувство: нетерпение и страх одновременно. Беременность утомляла и выматывала, хотелось, чтобы она скорее закончилась, но неизбежность родовых страданий пугала: сможет ли она вынести эти страдания? Выдержит ли её организм? Всё ли пойдёт нормально?

Схватки начались ночью. Иван Матвеевич вызвал дежурную машину и отвёз дочь в роддом. Мучительные боли приходили приступами, отступая на несколько минут, и возвращаясь с новой силой. Несмотря на адскую боль, Ната чувствовала себя участницей какой-то великой и страшной мистерии посвящения. Где-то совсем рядом с родильным столом, на котором она тужилась из последних сил, она ощущала присутствие великой тайны бытия, и к ней она теперь приобщалась. Когда ей, измученной и отупевшей от страданий, показали, наконец, красный кричащий комочек – её сына – он показался ей самым прекрасным существом на свете. Это чувство сохранилось в ней на всю оставшуюся жизнь.

Павел попал в мотострелковые войска и отслужил два года в учебном полку на Урале сначала курсантом, а потом сержантом-инструктором.

Тяжелее всего дались первые полгода. Хоть Павел и был спортсменом, и ездил каждое лето в стройотряды, всё-таки он был вполне домашним юношей, не уезжавшим из дома больше чем на два месяца. Его всё время окружали родные и близкие, друзья и приятели – все они были яркими и интересными людьми. Неотъемлемой частью его жизни были заботливые женщины и приветливые девушки. Разумеется, встречались на жизненном пути и неприятные персонажи, но никто не заставлял его водить с ними компанию. Учителя и наставники всегда относились к нему уважительно, даже тренеры в спортивных секциях, при всей их жёсткости и суровости, всё-таки обращались с ним по-человечески.

В армии он впервые столкнулся с ситуацией, когда вокруг оказались одни мужчины, большинство из которых были ему не только неприятны, но просто ненавистны, а он вынужден был двадцать четыре часа в сутки общаться с ними в замкнутом пространстве учебной роты.

В первый же день сержанты построили новобранцев «на проходе» – то есть в середине казармы между двумя рядами двухэтажных коек – и доходчиво, при помощи криков и тумачков, объяснили как отныне каждый курсант должен себя вести.

В роте существовал общественный строй, аналогичный древневосточным деспотиям, население казармы чётко делилось на два класса: сержантов, имеющих неограниченную власть над основным населением, и курсантов, которые, собственно, и составляли основное население казармы и были лишены элементарных человеческих прав, включая права на свободу воли и передвижения.

Здесь царил закон саванны: сержанты демонстративно за любой пустяк избивали курсантов, чтобы подавить волю к сопротивлению и добиться полной покорности. Офицеры стояли несколько выше и в стороне, но полностью поддерживали сержантов.

Курсантов было в десять раз больше, чем сержантов, и, объединившись, они могли бы положить конец произволу, но они были разобщены. Здесь служили представители всех народов Советского Союза, и каждая национальность стремилась поддерживать прежде всего своих. Хуже всего приходилось русским, в которых отсутствовал дух землячества и национальной солидарности.

Не все выдерживали жестокости армейской жизни: одни ломались и превращались в жалких созданий, которыми все помыкали, другие пытались бежать, но их ловили и посылали в дисциплинарные батальоны, третьи кончали жизнь самоубийством (за время службы Павла таких в полку оказалось шесть человек), но основная масса стойко сносила издевательства, постепенно вращаясь в армейский уклад.

В самые первые дни своей службы Павел ясно понял: для того чтобы выжить, ему необходимо окаменеть, превратиться из романтического и мечтательного юноши в бездушную и нечувствительную к боли машину.

Усилием воли он заставил себя относиться ко всему без лишних эмоций и размышлений, беспрекословно выполнял законные приказы, но при этом давал жёсткий отпор любым посягательствам на своё человеческое достоинство. Ему пришлось даже подраться с командиром отделения, который не просто отдавал приказы, а делал это в обидной и унижительной форме. Дрались они после отбоя в туалете, дрались долго и зло. Павлу пригодились навыки его спортивной и стройотрядовской жизни, у него была рассечена бровь и звенело в правом ухе, куда сержант Голодрыга нанёс ему точный и сильный удар, но он не сдавался. Сержанты стояли вокруг и молча смотрели на драку. Они уважали силу и храбрость, поэтому новый курсант им немного нравился, и они не хотели устраивать ему «тёмную». Наконец, старшина роты, большой и круглый хохол Подопригора гаркнул своим зычным голосом:

– Отставить драться!

Противники тут же прекратили обмениваться ударами и стояли, зло глядя в глаза друг другу.

– Курсант Семёнов, отбой и три наряда дневальным по роте! – поставил точку в споре старшина.

Больше сержанты Павла не унижали.

За пару месяцев он привык к армейской жизни, заслужил уважение однополчан, у него появились армейские друзья.

В учебном полку он просыпался по крику «подъём!», ходил строем, маршировал на плацу, учил устав, давал присягу, стоял в карауле, стрелял из автомата, сидел на «бронне», поднимался ночью по тревоге, бегал кроссы в полной амуниции, сбегал в самоволки, дрался с хачами, получал наряды вне очереди, сидел на гауптвахте, копал канаву, ел «бациллу», получал «нарком», снова ходил строем, жарил ночью картошку на кухне, подшучивал над офицерами, дружил с библиотекарем, писал и получал письма, командовал отделением, считал дни до приказа, посещал политзанятия, смотрел по телевизору аэробику с Еленой Букреевой, снова ходил строем – и так два бесконечных года, наполненных размышлениями о себе, о смысле жизни, о друзьях, родных и близких.

Лишившись самых простых и очевидных на гражданке вещей: свободы передвижения, права выбирать себе занятия, женской любви, Павел вдруг понял, как бездарно и неправильно он жил, как много времени тратил впустую, как много несчастий приносил родным и близким. Он решил, что после армии будет жить по-другому: более разумно и осмысленно, более полно и целеустремлённо.

В октябре родился сын Женька. Ната писала в часть подробные письма о ребёнке. Письма были такие реалистичные, с таким количеством милых и ярких деталей, что, даже не видя сына, Павел очень хорошо его себе представлял и заочно уже любил.

Его неодолимо потянуло домой, к жене и сыну.

Конечно, он вспоминал и о Римме. Незавершённая, оборванная на полуслове любовь томила своей недосказанностью. Он часто думал, а что было бы, если бы он тогда не ушёл? Воображение рисовало самые захватывающие картины, иногда во сне он видел, что не уходит, а остаётся с Риммой. Но ясным разумом Павел гнал от себя эти мысли. Нет, всё-таки я был тогда прав, – убеждал он себя, – у меня чудесная жена, потрясающий сын! Надо жить ради них!

Он не мог дожидаться дембеля, чтобы скорее увидеть Женьку, и как только вышел за ворота части, тут же помчался к своей семье.

Глава 8

К моменту возвращения Павла из армии Ната закончила, наконец, институт и жила пока у родителей в трёхкомнатной квартире в центре города.

Иван Матвеевич продолжал работать в «конторе», с зятем старался быть максимально предупредительным и каждую свободную минуту возился с внуком. В быту он оказался совсем не злым человеком. Глядя, как он кормит внука или развлекает его потешками, Павел поражался, как работа может менять человека, невольно думалось: «Наверное и эсэсовцы, работавшие в лагерях смерти, были милыми домашними людьми».

После возвращения Павла в просторной трёхкомнатной квартире стало тесновато, ведь теперь здесь жили две разные семьи со своими представлениями о жизни и воспитании детей.

Ната, конечно, любила своих родителей, но понимала, как тяжело Павлу, да и ей самой было нелегко разрываться между ребёнком, родителями и мужем, поэтому она, поразмыслив, согласилась на придуманную Павлом авантюру.

Авантюра состояла в том, чтобы поехать поступать на исторический факультет Ленинградского университета. Они долго обсуждали эту затею шёпотом перед сном, лёжа на разложенном диване в своей комнате и прислушиваясь к посапыванию Женьки в кроватке. В конце концов Ната отпустила мужа, надеясь, что он сможет зацепиться на новом месте и заберёт их с Женькой к себе.

В свои двадцать два Павел снова поступил на первый курс истфака, только теперь не в Средневожске, а в городе на Неве. Проявив чудеса энергичности и изобретательности, он чудом нашёл служебную квартиру в полуподвале школы на Петроградской стороне и убедил директора, добродушного усталого мужчину лет шестидесяти по имени Сергей Сергеевич, что его жена – самый талантливый учитель истории из всех учителей, которые когда-либо рождались под солнцем. Директор, конечно, не поверил, но ему по зарез нужен был учитель истории, поэтому он сделал вид, что поверил.

В конце лета приехали Ната с Женькой. Ната стала работать учителем истории, а Женьку, благодаря помощи Сергея Сергеевича, удалось пристроить в ясли-сад поблизости. Квартира была тесная: всего одна комната, маленькая кухонька с электроплиткой, крохотный туалет и прихожая метр на метр – вот и все хоромы. Когда шли сильные дожди, из унитаза хлестала чёрная вонючая жижа; когда мели метели, дверь в полуподвал засыпало снегом, и приходилось выбираться через окно, чтобы освободить дверь из снежного плена.

Ната согласилась на эти жизненные лишения не только из-за напряжённых отношений Павла с тестем, но главное – потому что опасалась возобновления связи между мужем и Риммой. Ей казалось, что время и расстояние окончательно разведут их.

Как-то через несколько месяцев после переезда в Питер в минуту откровения она решилась спросить:

– Паша, ответь мне, только честно, у тебя было что-то с Риммой тогда, перед твоим уходом в армию?

Они лежали, обнявшись, на узкой полутороспальной кровати и слушали соловья, который поселился в кустах под окном. Соловей выводил немислимые рулады, свистел и щёлкал, менял тональности, он явно был сегодня в ударе. Женька спокойно спал, не обращая внимания на соловьиный концерт и шёпот родителей. Павел не ожидал вопроса. Ему казалось, что их отношения с Риммой – тайна для всего мира, поэтому вопрос озадачил и расстроил его. Как будто кто-то посторонний бесцеремонно влез в самое сокровенное. Как ответить на этот вопрос? Было ли у него что-то с Риммой? Их разговоры, лёгкие касания, наблюдения за проплывающими облаками – всё это было или ничего этого не было? А если было, то чем это

было – любовью, дружбой, сном, наваждением? Разумеется, Павел понимал, что Ната имела в виду под словом «было», поэтому он честно ответил:

- Ничего не было.
- Но ведь ты ходил к ней в гости?
- Ходил. По старой дружбе.
- И что вы у неё делали?
- Разговаривали.
- И всё?
- Всё.

Поверила ли она ему? Бог весть. Во всяком случае, сделала вид, что поверила.

В стране тем временем нарастали события, которые сначала казались радостными и обнадеживающими, но вскоре обернулись катастрофой. Павел поступал в университет в одной стране, а заканчивал совсем в другой. Как грибы после дождя, росли кооперативные лавки и рестораны, каждый вечер у Казанского собора собирались люди экзотического вида с флагами и транспарантами разных форм и расцветок, что-то кричали, спорили, раздавали зевакам распечатанные на ротопринтах листовки. Газеты и журналы пестрели небывалыми новостями и разоблачениями – всем тем, что ещё пять лет назад называлось антисоветской агитацией и пропагандой и за что сажали в мордовские лагеря. Горожане носили с собой портативные радиоприёмники, чтобы не пропустить ни одного слова из выступления очередного демагога на Съезде Советов. А с продуктами становилось всё хуже, повсеместно вводилась карточная система, но даже, чтобы отоварить карточки, приходилось выстаивать огромные очереди.

Сначала Павел приветствовал перемены. В речах Горбачёва ему слышались отзвуки тех идей, которые будоражили его сознание в студенческие годы в Средневожске. В воссоздании съездов Советов виделось возвращение Ленинских принципов государственного строительства. Отказ КПСС от монополии на власть он воспринял как совершенно правильный ход, который поможет партии очиститься от карьеристов и бюрократов и снова стать авангардом рабочего класса. Но чем дальше двигалась перестройка, тем больше Павел осознавал, что на его глазах происходит чудовищный обман, результатом которого станет уничтожение великой страны.

И опять, как в юности, он чувствовал своё полное бессилие и невозможность что-либо изменить в нарастающем потоке катастрофических событий. Страна погружалась в пучину всеобщего озверения, а глуповатое лицо Горбачёва в телевизоре продолжало вещать про обновление социализма.

В 1989 году, когда стремительно разваливался социалистический лагерь и предприимчивые немцы продавали туристам осколки Берлинской стены, Павел закончил университет с красным дипломом и сразу же поступил в очную аспирантуру при кафедре истории России.

Ещё на второй год службы в армии, когда у него появилось достаточно свободного времени, чтобы читать книги, он, к своему удивлению, отыскал на полках воинской библиотеки изданные в Берлине в 1922 году дневники и мемуары белых офицеров. Книга вообще непонятно каким образом оказалась в запасниках этой убогой библиотечки, наверное, она случайно попала туда с ворохами другой списанной литературы, которую сбрасывали в воинские части приличные книгохранилища, когда от них требовали поделиться своими фондами с родной армией, а может, и ещё по каким причинам, кто ж знает? Во всяком случае, в фондах их воинской библиотеки книга почему-то не числилась, на титуле стоял нечитаемый затёртый штамп, и весёлый библиотекарь Сеня легко уступил книжку своему другу за пачку сигарет «Космос».

Книга на целый год стала лучшим собеседником Павла. Читая и перечитывая воспоминания белых офицеров, Павел открывал для себя новую, прежде неизвестную ему реальность.

Он впервые соприкоснулся с трагедией проигравшей в Гражданской войне стороны. В советской истории, литературе, кинематографе белогвардейцы неизменно рисовались чёрной краской, и лишь изредка к ним проскальзывало сочувствие, как в сериале «Адъютант его превосходительства» или в художественном фильме «Бег». Читая же сборник мемуаров, Павел видел этих людей живыми, мыслящими и страдающими, он осознал, что у них была своя правда, за которую они проливали кровь и были готовы пожертвовать жизнью. Среди них были умные, глубоко чувствующие и неординарные натуры. Но как бы они ни были умны и талантливы, как бы ни напрягали силы во имя своих идеалов, какие бы чудеса героизма и самопожертвования ни проявляли, ветер истории смял их и вышвырнул за пределы России.

Почему история распорядилась так, а не иначе? Какой секрет, оставшийся тайной за семью печатями для белого дела, смогли разгадать большевики? Павел не знал ответов на эти вопросы, но ему хотелось их найти.

Поступив в университет, Павел продолжил заниматься проблематикой белого движения. На третьем курсе он написал блестящую курсовую работу о Каппеле и каппелевцах. Курсовая была замечена, и он начал сотрудничать с профессором кафедры истории России Семёном Аполлинарьевичем Орловским, ведущим специалистом по Гражданской войне. Успешное поступление в аспирантуру стало вполне логичным следствием этого сотрудничества.

Учёба в аспирантуре не особенно напрягала. Только на первом курсе приходилось посещать занятия по философии и английскому языку, но когда Павел сдал кандидатские минимумы, вся последующая учёба свелась к написанию диссертации. Утверждённая на кафедре тема звучала так: «История боевых действий в Волжско-Уральском регионе в 1918—1919 гг.»

Павел вгрызся в материал, как бульдог в ноздрю быка – оторвать его было невозможно. Он привлекал не только опубликованные источники, но и новые, не введённые пока в оборот архивные документы. Он скрупулёзно воссоздавал картины давно минувших сражений, анализировал тактические и стратегические успехи и провалы Каппеля, Фрунзе, Вацетиса. Сравнивал состояние войск и боевой потенциал армий, изучал настроение различных социальных групп в белом и красном тылу. Его научный руководитель, профессор Орловский, поражался глубине и дотошности исследования, говорил, что он слишком глубоко закопался и советовал ограничить поле исследования.

– Ты на докторскую размахнулся, дорогуша, – беззлобно подтрунивал он, – а тебе надо всего лишь кандидатскую написать.

Молодой исследователь так глубоко вжился в свою диссертацию, что мог назвать номера всех воинских частей с обеих сторон, принимавших участие в основных сражениях 1918—1919 годов на всём пространстве от Волги до Урала, привести их численный состав и фамилии командиров, охарактеризовать основные вооружения, с точностью до одного бойца перечислить потери ранеными, убитыми и взятыми в плен. Причём для этого ему не нужно было заглядывать ни в какие записи – все эти данные сами собой жили в его голове, потому что он постоянно о них думал, взвешивал, сопоставлял.

Перелопатив горы различных источников, Павел убедился, что Красная Армия не имела решающего преимущества перед белым движением ни в численности, ни в вооружениях, ни в таланте командиров, и всё-таки она победила, потому что главным её преимуществом стала поддержка народа. Исследование показало, что настроения населения кардинально изменились после первых побед белых армий. Первоначальная поддержка сменилась резким отрицанием. Симбирск, который радостно приветствовал мятеж белочехов, через несколько месяцев встречал «Железную дивизию» красных как своих освободителей. Павел убедительно доказал это, посвятив анализу писем и дневников простых обывателей целую главу. Вывод напрашивался сам собой: большевики смогли предложить России проект будущего и поэтому победили. У белых не было такого проекта, они звали вернуться в прошлое, и народ за ними не пошёл.

Белые не услышали и не поняли душу народа, не смогли предложить ему прекрасного волшебного замка, ради которого не жалко было бы умереть.

Трагедия белого движения стала для Павла ещё одним доказательством созвучности социалистической идеи русской душе. Доказательством от противного.

«Что же происходит теперь? – думал Павел. – Почему люди так легко отказываются от завоеваний отцов и дедов?»

В природе встречаются случаи странных, ничем не объяснимых самоубийств больших популяций животных. Киты и дельфины, прекрасно ориентирующиеся в глубинах океана, обладающие совершенной системой эхолокации, благодаря которой они легко избегают столкновений с кораблями и рифами, вдруг десятками и даже сотнями начинают выбрасываться на берег, в совершенно непригодную для жизни среду, и мучительно там умирают.

Тысячи птиц ежегодно прилетают в долину Джатинга в Индии, чтобы покончить жизнь самоубийством в пламени костров и факелов.

Нечто подобное, по мнению Павла, совершили народы Советского Союза на глазах у всего мира.

Из того времени Павлу запомнились бесконечные очереди за хлебом и молоком, толпы озверевших людей, врывающихся в магазины, чтобы успеть набрать хлеба, пока он не закончился. Когда запретили продавать больше одной буханки в руки, люди стали надкусывать по пять-шесть буханок, чтобы им продали все.

Многие коллеги Павла в это время занялись бизнесом, обеспечивая своим семьям хоть какое-то мало-мальски сносное существование, но Павел как будто не замечал происходящего, по восемь часов ежедневно он сидел в Публичной библиотеке, работая над своей диссертацией, а вечерами подрабатывал на разных временных работах от разгрузки фур до проведения социологических опросов, которых в те дни проводилось очень много. Он полюбил тишину Публичной библиотеки, лёгкое шуршание переворачиваемых страниц, неспешные разговоры в курилке.

Павел влюбился в Петербург, в его дворцы и ограды, каналы и мосты. Возвращаясь домой из библиотеки или с очередной подработки, он часто заходил в Летний сад и гулял там между мраморных скульптур, занесённых неумолимой судьбой из солнечной Италии под холодное северное небо, или неторопливо прохаживался по песчаным дорожкам Михайловского сквера, любуясь средневековым величием одноимённого замка, построенного первым и последним романтиком на Российском престоле. В его памяти навсегда запечатлелась стрелка Васильевского острова с ростральными колоннами, куполом кунсткамеры и античным портиком биржи. Часами бродил он по Мойке и Фонтанке, глядя на густую холодную воду и ажурные ожерелья мостов.

Ната успешно работала в приютившей их школе. Дети в ней души не чаяли, ходили за ней хвостиком, помогали нянчиться с Женькой. Ната, со своей стороны, отдавала им все силы и всё свободное время: возила на экскурсии, водила в театры, маленький Женька стал участником этих походов с трёх лет, так что к десяти знал Петербург получше иного питерца, который прожил всю жизнь где-нибудь на Охте и в центр выбирался разве что по великим праздникам.

Позднее Павел всегда вспоминал питерские годы, как самые счастливые годы своей жизни.

Ему доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие наблюдать, как растёт сын. С каждым днём в его словарном запасе появлялись всё новые забавные словечки, которые потом становились обиходными словами в их семейном лексиконе, например, «дрессированная вода» или «подсливочное масло».

Павел навсегда запомнил, как вскоре после их приезда в Ленинград, Женя встал рано утром и счастливым голосом произнёс: «Я могу летать!», а через несколько дней, наоборот, проснулся весь в слезах и стал обшаривать свою постель, приподнимать одеяло, переворачивать подушку.

- Где он? Где он? – хныкал сын.
- Кто? – спросили Павел с Натой.
- Ножичек с костяной ручкой!

Павел невольно вспомнил своё детство, когда тоже не мог отличить сон от яви, а иногда сны бывали даже ярче действительности.

От той легендарной эпохи его жизни сохранилось одно чудесное воспоминание: он сидит на спине огромной бабочки, два огромных бабочкиных крыла находятся справа и слева от него. Бабочка машет этими крыльями – и летит. Он крепко держится за ворсинки на её спине, чтобы не упасть, но страха не испытывает – только восторг.

Всё, что Павел помнил из той далёкой поры, имело ту же яркость, насыщенность и объективность, что и сон о бабочке.

Вспоминая своё раннее детство, он смутно видел дом на окраине Средневожска, утопающий в зелени садов – тогда родители ещё не получили свою двухкомнатную квартиру и жили в частном секторе в доме бабушки Вали – папиной мамы, на лето к ним приезжала мамина сестра – тётя Лена с двумя детьми, которые были постарше Павла лет на пять-шесть, но казались ему ужасно взрослыми.

Стоит ясный летний день. Он выходит из дома и видит маму, которая стирает бельё в большом эмалированном тазу. На маме лёгкое летнее платье без рукавов, и он хорошо различает её смуглые руки в пузырьках мыльной пены по локоть. Мама смотрит на него и о чём-то спрашивает. О чём? Наверное, о чём-то очень важном. Он отвечает, и мама счастливо улыбается.

Он видит своих двоюродных братьев, которые шепчутся между собой, подозрительно поглядывая на него, не услышит ли случайно? Не разболтает ли? Они в вечном поиске чего-то захватывающего, интересного, но и опасного – вот только его до этих тайн не допускают, а ему смертельно обидно.

Мама разрешает племянникам брать младшего брата с собой в посадку. Посадка – это полоса деревьев на другой стороне улицы – место детских игр и прогулок.

Мальчишки берут его за руки – и они все вместе выходят за калитку. Пёс Трезор, радостно виляет хвостом и бежит за ними, но его удерживает металлическая цепь.

Прежде чем перейти дорогу, они смотрят направо и налево, как научили родители. Видят летящий в клубах пыли грузовик, уважительно пропускают его мимо, долго смотрят вслед, как он всё уменьшается, уменьшается, и, наконец, исчезает за поворотом. Павлика очень волнует, почему такой большой грузовик вдруг стал таким маленьким, и он пытается выяснить это у взрослых братьев, но те только отмахиваются и стремглав несутся через дорогу. Павлик – за ними.

Дорога вымощена булыжниками, и он, как всегда, спотыкается об один из них, и опять обдирает коленку – поверх подживающих корок от предыдущих ссадин. Конечно ревет. Рёв делает своё дело – мальчишки добродушно его успокаивают, лишь бы рёв не услышали мамы. Один из них со взрослой опытностью срывает подорожник, разминает его во рту и прихлопывает к Пашиной коленке.

– До свадьбы заживёт, – со знанием дела говорит он, и Павлик успокаивается, хотя не очень понимает, о какой свадьбе идёт речь.

Потом они с соседскими девчонками и мальчишками весело играют в разрывное цепи, в салочки, в «птички на веточке». Конечно, играют в основном ребята постарше, а Павлик крутится у них под ногами, проявляя самую бешеную активность, в общем-то, конечно, мешает

играть, но от него беззлобно отмахиваются, и он ужасно злится, что у него не получается так же хорошо, как у «взрослых».

Вот тут-то он и замечает свою бабочку. Она сидит на ярко-жёлтом цветке вся такая изысканная, радужная, перламутровая, он даже и слов-то таких ещё не знает, но у него перехватывает дух от невозможной красоты и грации её королевских крыльев.

Он осторожно крадётся к этой красавице, всё ближе, ближе, и чем ближе подкрадывается, тем больше становится бабочка. Происходит та же метаморфоза, которая только что на его глазах произошла с грузовиком, только наоборот. В какой-то момент бабочка становится значительно больше его ростом, и он осторожно вскарабкивается на её мохнатую спину.

Бабочка плавно, чтобы не уронить малыша, отрывается от цветка и взмывает в небо. От ощущения полёта сердце ухает в какую-то внутреннюю пустоту, но при этом совсем не страшно.

Он смотрит вниз и видит свой дом под шиферной крышей, маму над тазом мыльной пены у крыльца, мальчишек и девчонок, играющих в «ручеек» в посадке. Видит лес за посадкой, Волгу за лесом, улицу, по которой, словно проворные муравьи, время от времени пробегают грузовики.

Улица бежит между небольшими домиками, утопающими в зелени садов. Он видит дома всех соседей, во дворах гуляют петухи и куры, собаки спят у своих собачьих будок, кошки греются на солнышке.

Сделав несколько кругов над улицей, бабочка опускается на ту же полянку, откуда начала свой полёт, садится на тот же цветок, Павлик аккуратно сползает с её спины и бежит к ничего не заметившим детям.

Мамы зовут обедать. Братья неохотно прекращают игру и направляются к дому. Павлик пытается рассказать, что с ним только что произошло, но они не верят ему и смеются.

Так он и не рассказал об этом случае никому: ни бабушке, ни отцу, ни матери. Всё равно не поверят!

В своём сыне Павел снова переживал себя-ребёнка. Он радовался вместе с ним, читая ему книжки на ночь или шурша опавшими листьями в осеннем парке. Вместе с сыном нетерпеливо ждал Деда Мороза и был счастлив даже больше сына, когда тот находил подброшенный Дедом Морозом подарок и с восторгом распаковывал его.

А однажды, когда Женьке было года четыре, он поразил отца совершенно недетским разговором, который Павел запомнил на всю жизнь и даже записал в свой дневник, чтобы не забыть.

Они с Женькой сидели на полу в их единственной полуподвальной комнате. За окнами густел вечер. Дрёма потихоньку пробиралась под веки, и вдруг ни с того ни с сего четырёхлетний Женя сказал:

– Пап, Бог не создавал солнца!

Павел удивился – с чего бы это у ребёнка такие философские проблемы?

– Кто же его создал? – шутливо спросил он, надеясь услышать в ответ какой-нибудь милый детский лепет.

– Оно само создалось, – серьёзно ответил малыш.

– Но ведь ты не присутствовал при этом и не можешь знать. Тебя же там не было!

– Моё сердце было, – возразил сын, а потом немного помолчал и вдруг добавил после паузы, – Сердце и дух.

– А что такое дух?

– Это воздух человека. Он у меня ещё раньше был, до того как я родился.

Павел решил не сдаваться и загнать-таки мальчика в тупик:

– А когда ты умрёшь, куда дух денется?

– А он вместе со мной...

– Умрёт?

– Да. Он же из воздуха сделан. Он разрушится. Он же из воздуха сделан.

– Где ты этого наслушался? – не сдавался обескураженный родитель, но дальше услышал такое, что окончательно поставило его в тупик:

– Я сам знаю. Меня же дали другому человеку. В детстве я всё знал.

«Да, наверное, действительно в детстве мы всё знали, а потом забыли», – подумал Павел. А между тем сын безмятежно уснул. Утром он уже не помнил вечернего разговора. Да и в будущем никогда больше не вспоминал о нём.

Уже гораздо позднее Павел, размышляя, почему он был так счастлив в Питере, вывел формулу своего тогдашнего счастья: «Счастье – это когда дети маленькие».

Глава 9

Вспоминал ли он в это время о Римме? Иногда она приходила к нему в снах, и тогда он просыпался особенно счастливым и старался подольше сохранить ускользающее сновидение в своей памяти, но сон неизменно бледнел в течение дня, а потом и совсем забывался, через какое-то время возвращаясь вновь. Порой ему снилось, что он живёт не с Натой, а с Риммой, и что Женя их общий сын или Ксюша их общая дочь. Часто в снах они были братом и сестрой. Иногда снились какие-то другие, не рождённые дети.

Бывало, что воспоминания накатывали и во время бодрствования, особенно, когда он сидел, склонившись над очередным источником в зале Публичной библиотеки. Эти воспоминания врываются в тайные кладовые сознания помимо его воли и начинали хозяйничать там, не спрашивая его разрешения. Чаще всего он старался скорее прогнать этих незваных гостей, особо старательно сосредоточившись над цифрами или фактами из времён Гражданской войны, но иногда он давал непрошеным посетителям волю, и тогда они безнаказанно заполняли собой его мозг, а он часами сидел, забыв о диссертации, и смотрел неподвижным взглядом в окно на серое питерское небо, бронзовую Екатерину в окружении своих фаворитов, античные очертания Александринского театра.

Павел был верным мужем. Попав в свои двадцать два года в среду восемнадцатилетней молодёжи, он, безусловно, вызвал острый интерес со стороны однокурсниц. Девушки бросали на него быстрые весёлые взгляды, заговаривали на переменах, приглашали на молодёжные вечеринки, но он сразу же стал придерживаться в общении с ними определённых правил: не флиртовал, на личные темы не разговаривал, на студенческие тусовки не ходил. Его могли бы счесть высокомерным и провозгласить изгоем, но Павел с высоты возраста и жизненного опыта смог очертить своё место на курсе так, что все – и парни, и девчонки – воспринимали его как старшего брата или даже отца (его так и прозвали – «Батя») и шли к нему за советом не только с учебными вопросами, но и с жизненными проблемами.

Выдерживать амплу «Бати» было нелегко. Вокруг ходили смазливые юные девушки с весёлыми глазами, манящими губами, тугими мячиками груди, выпирающими из лёгких шифоновых блузок, и округлыми бёдрами, обтянутыми голубыми джинсами. Павел был нормальным молодым мужчиной и не мог всего этого не замечать, но он запретил себе смотреть на студенток как на возможных сексуальных партнёров – и, надо сказать, смог выдержать этот запрет до самого выпуска. Девушки, со своей стороны, сделав несколько безуспешных попыток растопить сердце Бати, плюнули на это гиблое дело и окончательно признали за ним статус старшего товарища. Эта информация моментально распространялась и в среде новых первокурсниц, которые заполняли аудитории университета каждый учебный год.

Так и преодолел Павел пятилетний период своего повторного студенчества, занимаясь учёбой, углубляясь в научные изыскания по своей любимой теме и по-товарищески общаясь с однокурсниками и однокурсницами.

В аспирантские годы стало ещё легче оставаться верным мужем, поскольку общение между аспирантами было гораздо менее интенсивным, да и особо симпатичных аспиранток вокруг не оказалось.

Странно, что будучи таким верным, Павел делал исключение по отношению к Римме. Он почему-то не воспринимал своё чувство к ней как измену жене. Почему? Он и сам не смог бы ответить на этот вопрос. Возможно, потому что между ними «ничего не было»? Или потому что он устоял перед искушением и теперь мог честно смотреть Нате в глаза? А может быть, потому что Римма осталась в далёком средневожском прошлом, которое ушло навсегда и уже никогда не возвратится?

Он разрешил встречам с Риммой жить в своей памяти, потому что не видел в них угрозы, потому что считал их волшебной сказкой, которая никогда не станет былью. Иногда ему становилось грустно, что не станет. Но сказка ведь именно тем и прекрасна, что она сказка, – успокаивал он себя. Воплотившись, она умират, теряет своё очарование.

Наверное, Римма уже прочно забыла тот наш странный месяц, когда мы тыкались друг в друга, как два слепых щенка, не понимая, чего мы хотим от этих встреч? Наверное, она счастлива с Игорем. Ведь Игорь так её любит! – думал Павел.

Иногда, поддавшись осенней меланхолии, Павел с ностальгией вспоминал своего друга Игоря. Почему они охладели друг к другу? Что их развело? Разочарование Игоря в Павле, которого он считал бойцом, а Павел сложил руки после первой же серьёзной неудачи? Или разочарование Павла в Игоре, который сделал всё возможное, чтобы остаться в комитете комсомола, даже несмотря на то, что его друга оттуда исключили? А, может быть, их любовь к Римме?

Мысль вспыхнула неожиданно, ослепив его ум, и Павел невольно заслонила от неё. Какая любовь к Римме? С чего ты взял, что любишь её? Ты любишь Нату и Женьку! Причём здесь Римма? Но Римма снова и снова возвращалась к нему в снах, как будто бы не соглашаясь с тем местом, которое Павел определял для неё в своей жизни.

Когда после годичного испытательного срока Римма приняла, наконец, предложение Игоря, тот просто обалдел от счастья, ни на минуту не отходил от невесты, каждое утро встречал у подъезда, как когда-то встречал Игоря, и шёл с ней в институт, по пути развлекая весёлыми историями, которых знал тысячи и рассказывал с большим талантом. После института отправлялись обычно к Игорю, в его холостяцкую комнату. Прежде комната принадлежала им с братом, но брат второй год служил в Германии, а до этого четыре года учился в училище связи, так что комната уже много лет была в полном распоряжении Игоря. Здесь они вместе готовились к семинарам, зачётам и экзаменам, помогали друг другу писать дипломные работы. Сюда приходили их друзья и подруги, отсюда молодёжь совершала свои походы в кино, на каток, на природу. Сюда же возвращались, весёлые и счастливые, уверенные, что встретят со стороны родителей Игоря только добродушие и неподдельный интерес к их жизни. Ночевать Римма никогда не оставалась, и часов в девять вечера Игорь провожал её через несколько кварталов домой. У Римминого подъезда расставались, и на прощание Римма дарила жениху поцелуй, который тот ощущал на губах до следующего вечера.

Свадьбу сыграли в феврале в недорогом кафе на окраине города. Свадьба получилась весёлая – гостей собралось человек сто. Нату тоже пригласили, но она не пришла, сославшись на маленького Женьку (не с кем оставить).

После свадьбы Римма окончательно поселилась у Игоря – свёкр и свекровь были к тому времени её лучшими друзьями. Забеременела она очень быстро – буквально в первую неделю их совместной жизни. Беременность протекала тяжело, она раздражалась, капризничала, изводила мужа своими прихотями и недомоганиями – он переносил всё стоически и готов был носить свою ненаглядную на руках, даже растолстевшую и подурневшую.

Приближался выпуск, а с ним неизбежное распределение. Молодые всерьёз опасались, как бы их не сослали года на три в какую-нибудь далёкую татарскую деревушку, но, судя по всему, у людей, принимающих решения, на них были другие планы.

Римму высоко ценили на кафедре всеобщей истории, а там как раз открылась вакансия ассистента, поэтому заведующий кафедрой сделал всё от него зависящее, чтобы ей предоставили «свободное распределение».

Игорю пришёл вызов из райкома комсомола – подсуетился Миша Рогов, ему давно нужен был освобождённый помощник, а тут в штатном расписании райкома появилась новая штатная единица – заместитель секретаря комитета комсомола пединститута по идеологической работе. Вот на эту должность Миша и протолкнул Игоря, хорошо изучив его деловые и личные каче-

ства за четыре года совместной работы. Первым самостоятельным проектом Игоря на новом месте стало создание дискуссионного клуба. Времена менялись. Новый генеральный секретарь Юрий Владимирович Андропов как-то сказал «Мы не знаем общества, в котором живём». Ухватившись за эту фразу, Игорь настоял на открытии дискуссионного клуба. Заседания стали проходить ежемесячно при большом стечении народа: приходили не только студенты, но и преподаватели, вскоре начали приезжать представители других вузов города, и с каждым заседанием их становилось всё больше и больше. Заседания стали проходить в актовом зале с хорошо подготовленными докладчиками на сцене и свободными микрофонами в зале. Клуб стал заметным событием в жизни города – о нём писали в газетах, рассказывали на телевидении. Игорю очень хотелось назвать клуб именем своего друга – Павла Семёнова, но он понимал, что это невозможно, поэтому клуб называли в духе коммунистических традиций «Факел».

Когда родилась Ксюша, Игорь почувствовал к ней такую любовь, рядом с которой поблекла даже любовь к жене. Эта маленькая бестия, с огромными серо-голубыми, в маму, глазами и кудряшками золотистых волос, могла вить из него верёвки одним взглядом, одним движением своих пухлых губок или шевелением розового пальчика.

Ради дочери он решил стать богатым человеком, и как только при новом генсеке Горбачёве был издан закон о кооперации, он с друзьями-комсомольцами открыл первый в Средневожске кооперативный продовольственный магазин и первое кооперативное кафе «Уют».

Годы были шальные. Оживились бандиты, которые обкладывали возникающий бизнес непосильными поборами. Игорь сразу же решил для себя, что не ляжет под бандитов. Как не странно, в этом ему помог весёлый и общительный характер. Он подружился и с бандитами, и с ментами – и тем самым обеспечил своему бизнесу надёжную крышу. За несколько лет Игорь создал разветвлённую систему связей, простиравшихся во все сферы провинциальной жизни от государственных органов до бандитских малин. Конечно, в создании системы помогли старые комсомольские наработки, но в гораздо большей степени – дар общения с людьми. Все любили Игоря за его весёлый нрав, огромное чувство юмора и умение поддерживать долгие отношения. Вскоре он владел несколькими кафе и ресторанами, сетью продовольственных магазинов и автозаправок, саун и бутиков.

Дочка росла, и благосостояние семьи росло. Игорь купил пятикомнатную квартиру в новом фешенебельном доме, по городу перемещался на «Хаммере» с неизменным телохранителем, возил семью в Европу и Америку.

Когда Ксюше исполнилось полтора года, Римма вышла на работу в институт. Она сразу же поступила в заочную аспирантуру в Москву и через три года защитила кандидатскую диссертацию по средневековой истории.

Чёрным пятном в успешно складывающейся жизни стали болезнь и смерть Римминой мамы. Полина Ивановна была тихой и незаметной женщиной, работала инженером в таком же незаметном, как она сама, конструкторском бюро. Выйдя на пенсию, стала помогать с воспитанием внучки, но вскоре заболела и сгорела стремительно. Оказалось, у неё было редкое заболевание крови, которое время от времени давало о себе знать упадком сил или приступами головокружения, но Полина Ивановна никогда не обращала на это внимания. Когда болезнь открылась, было уже поздно что-либо предпринимать.

Глава 10

Через год смерть пришла и в семью Павла – скоропостижно скончался отец. Скончался от сердечного приступа буквально на следующий день после телеграммы сына, в которой тот сообщал об успешной защите кандидатской диссертации. Похороны Сергея Петровича Семёнова состоялись на новом кладбище Средневожска.

Был морозный, совсем зимний день. Яркое мартовское солнце не могло прогреть выстуженного антициклоном холодного воздуха.

На кладбище собралось много народа: здесь были родственники, друзья и бывшие сослуживцы отца. Большинство Павел видел первый раз в жизни. Мама держалась молодцом. В свои шестьдесят она выглядела ещё очень молодой женщиной, тем более странно было видеть её в роли вдовы с чёрным платком на голове.

Отец сторел быстро. Недавно его завод, где он проработал всю свою жизнь сначала мастером, потом начальником цеха, а потом и директором, был приватизирован какими-то ушлыми дельцами, которые тут же повели дело к банкротству предприятия, чтобы выгодно перепродать освободившиеся здания и земельные участки, расположенные недалеко от городского центра. Семёнов пытался убедить собственников не делать этого. Он любил завод, воспринимал его как живой организм, переживал за каждого рабочего – как они будут жить, если лишатся работы? Что будет с их семьями? Но эффективных менеджеров, взявших в свои руки управление заводом, совсем не волновали эти сантименты. Завод был разорён, закрыт и распродан. На его площадях разместились торговые центры и офисы. Сергей Петрович пережил крах завода как личную трагедию. В день, когда он был уволен «в связи со сменой собственника», с ним случился инфаркт, от которого он так и не смог оправиться.

Павел любил отца, хотя эта любовь возникла достаточно поздно. Из своего раннего детства он хорошо помнил маму, бабушку Валю, кошку Мурку, пса Трезора, а вот отца практически не помнил. Наверное, так случилось из-за того, что отец много работал, приходил поздно, сильно уставал. Отец, конечно, присутствовал в его жизни, но был где-то далеко и высоко, как ветхозаветный Саваоф, в которого можно верить, но с которым нельзя поговорить.

Разговоры с отцом начались позднее, когда они переехали в свою двухкомнатную квартиру в центре. Отец знакомил сына с историей семьи, тесно переплетённой с историей страны. Из этих бесед Павел узнал о страшном и кровопролитном сражении подо Ржевом, где погиб его дедушка Пётр – командир Красной Армии. Странно, что в школьных учебниках истории об этом совсем ничего не писали: о Сталинграде, Курской дуге, осаде Ленинграда, взятии Берлина – да, а вот о кровопролитнейшем Ржевском сражении – нет.

Из рассказов отца Павел впервые услышал о 1937 году, когда было арестовано много красных командиров, с некоторыми из которых дед был лично знаком. Они жили тогда в служебной коммунальной квартире и каждую ночь в коридоре раздавались шаги, которые оставались у чьей-то двери. Деду повезло, сапоги НКВД-шников не задержались у его комнаты, а ведь могли и задержаться.

Другой важной темой разговоров, как ни странно, стала Библия. Отец был коммунистом, и тем не менее очень любил эту книгу, которую всегда тайно возила с собой его мама – бабушка Валя, – мыкаясь по гарнизонам с мужем и сыном, пока не осела во время войны, убежав от немецкой оккупации, у своих родителей в маленьком домике на окраине Средневожска. Отец подробно рассказывал Павлу о Вавилонской башне и Ноевом потопе, о царе Соломоне и царице Савской, о Каине и Авеле, Адаме и Еве. Эти истории были так непохожи на то, о чём повествовалось тогда в детских книжках! Это был их с отцом маленький секрет.

Рассказывал отец и об Иисусе Христе. Он считал его яркой исторической личностью, человеком, который хотел изменить мир к лучшему и за это был казнён римскими солдатами.

Именно благодаря отцовским рассказам Павел полюбил историю, начал читать исторические книги и к концу школы точно знал, куда он будет поступать – только на исторический факультет!

Однажды гуляя вечером по самому высокому месту крутого волжского берега, на котором разбит городской сквер, отец с Павликом увидели телескоп и сутулого бородатого человека рядом. Стояла ясная погода, и диск луны светился на небе, как большой электрический фонарь. Отец подошёл к астроному и попросил разрешения для сына взглянуть на луну в телескоп. Владелец телескопа не возражал. То, что Павлик увидел в окуляр телескопа, поразило его детское воображение. Он увидел на поверхности луны горы и долины, тёмные пятна морей и ровные кольца кратеров. Потом они шли домой, и отец фантазировал о лунных человечках, которые живут на луне и скоро будут обнаружены космонавтами. Всю ночь после этой прогулки Павлу снились лунные человечки.

Отец вообще очень любил фантазировать. Так, например, он придумал историю о том, как однажды он превратился в маленького человечка и попал в гости к муравьям. Павлику так понравилась эта история, что он попросил продолжения.

– Хорошо, – сказал отец, – каждый вечер мы будем с тобой сочинять следующую историю про приключения в муравейнике, пока таких историй не наберётся тысяча и одна!

– Почему тысяча и одна? – спросил Павел.

– Потому что есть такой сборник восточных сказок, а у нас будет свой сборник.

– Здорово! – обрадовался Павлик, представив как это замечательно: тысячу и одну ночь слушать отцовские истории!

Тысячу и одну историю Павел не успел дослушать. Вскоре начался подростковый возраст, когда их прогулки с отцом прекратились. Павел, как и другие подростки, стеснялся показываться на улице с родителями. Теперь же – у гроба Сергея Петровича – ему казалось, что отец очень многого не успел ему рассказать. Он унёс с собой тысячу увлекательных историй, которые Павел уже никогда не услышит. Их тысяча и одна ночь оборвалась на самом интересном месте.

Поминки были организованы на широкую ногу в дорогом ресторане. Ни Павел, ни его мама Екатерина Николаевна, учительница с почти сорокалетним стажем, не имели, конечно, таких средств, но тут включился Иван Матвеевич. Сразу после развала Советского Союза он ушёл в отставку с полковничьей должности в «конторе» и возглавлял теперь новый коммерческий банк, имевший шикарный офис в самом центре Средневожска.

Для поминок сняли малый банкетный зал на тридцать мест – и все места были заняты. Павел сидел в центре п-образного стола между матерью, с одной стороны, и Иваном Матвеевичем, с другой.

Жизнь – изобретательный сценарист. Если бы десять лет назад кто-нибудь сказал Павлу, что он будет сидеть по левую руку от своего мучителя на поминках собственного отца и принимать соболезнования, он, скорее всего, не поверил бы. А теперь они сидели рядом и мирно беседовали. Тесть настойчиво расспрашивал его об их с Натой планах на будущее.

– Не знаю, – отвечал Павел, – возможно, останемся в Питере, если я смогу найти что-нибудь подходящее.

– Да бросьте вы, – разубеждал зятя Иван Матвеевич, – кому вы там в Питере нужны? Так и будете жить в подвале? Возвращайтесь домой! В институте на кафедре истории России ищут преподавателя. Я хорошо знаком с заведующим и уже говорил с ним – он прямо загорелся с тобой познакомиться! И Нату на хорошую работу устроим, и Женёк в лучшую школу пойдёт. А жить будете в бабушкиной квартире. После маминой смерти она всё равно пустует.

Мать Павла активно поддерживала свояка.

– Правильно Иван Матвеевич говорит, – соглашалась она, – чего в подвале-то жить? Того и гляди, Женечка чем-нибудь заболеет! Да и климат в Питере никудышный.

Про климат Екатерина Николаевна была совершенно права. Всем был хорош город на Неве – и мостами, и парками, и дворцами, но от сырого бессолнечного климата у Павла развивалось что-то похожее на депрессию. Он почти физически ощущал, как сырость проникает во все уголки его тела, отравляя своими миазмами каждую клеточку.

Устав от назойливого разговора о будущем переезде, Павел вышел покурить.

В широком фойе ресторана у входных дверей, где была устроена импровизированная курилка, к нему подошёл сутуловатый мужчина среднего роста с небольшой аккуратно постриженной бородкой и в очках. Он был одет в строгий, явно дорогой костюм-тройку, на белоснежной рубашке красовался не обычный галстук, а тёмно-синяя бабочка в крупный белый горошек.

– Привет, старый! Совсем зазнался в своём Питере – друзей признавать перестал! – обратился к нему мужчина.

Павел взгляделся в незнакомца и оторопел – сквозь дорогую одежду, спортивный загар, явно приобретённый где-то на экзотических островах, ухоженную бородку и очки в модной оправе проступили вдруг черты друга детства и ранней юности. Да, конечно, это был Игорь!

– Привет, Игорёк, тебя совсем не узнать! – воскликнул Павел и обнял своего друга.

Несмотря на траурную подоплёку события, встреча оказалась радостной для обоих, как будто не было их размолвки тогда в 82-м и почти одиннадцати лет разлуки без писем, звонков и встреч.

– Ты тоже, я тебе скажу, не помолодел! – в своём шутовском духе парировал Игорь. – Ну, как живёшь, старина? Слышал я, на Нате женился – и на свадьбу не пригласил, нехороший человек!

– Да свадьбы-то и не было, – забормотал в своё оправдание Павел, – так, расписались – и всё. А у тебя как? Ты ведь тоже женился на нашей однокурснице?

– Да, на Римме Крыловой, а вот, кстати, и она!

Из общего зала вышла и направилась к ним молодая привлекательная женщина. Павел взглядывался в её красивые стройные ноги на высоких каблуках, стройное, хорошо вылепленное тело, затянутое от шеи до колен в чёрное гипюровое платье, в большие голубые глаза, хорошо очерченные губы, высокие точёные скулы, модно уложенные волосы, и никак не мог поверить, что она – та самая серая мышка с их курса в вечных джинсах и свитерах.

– Римма – это ты? – невольно вырвалось у него вместе со вздохом восхищения.

– Что, не похожа? – в лице Риммы читалось нескрываемое торжество, она явно наслаждалась моментом.

Увидев Римму, Павел как будто перенёсся на десять лет назад, в их тихую квартирку, где они провели свой странный медовый месяц. Ему вдруг показалось, что всё, что с ним происходило последние десять лет: армия, рождение сына, Питер, защита кандидатской диссертации – что всё это происходило не с ним, а с кем-то другим, а он так и остался рядом с той хрупкой субтильной девушкой со стрижкой-каре, которая смысл своей жизни видела в одном – в том, чтобы любить его, Павла.

– Ты шикарно выглядишь, – только и смог вымолвить Павел. В этот момент ему показалось, что всю жизнь он любил только эту женщину. Но теперь она была замужем, к тому же замужем за старинным другом, который предан ей, как рыцарь своей Прекрасной Даме.

Старинные друзья преувеличенно сильно обрадовались друг другу, как будто не было разделивших их когда-то взаимных обид и долгих лет, в течение которых они совсем не общались. Но так бывает у тридцатилетних – старые обиды забываются, а воспоминания о счастливой и беззаботной юности побуждают людей снова быть вместе.

Так случилось и с нашими героями. Прямо здесь, на поминках они дали слово не терять друг друга из вида, обменялись телефонами, Игорь попросил Павла записать номер своего пейджера и согласился стать главным звеном для сбора всей компании. Договорились собраться семьями, как только появится Ната, чтобы отметить встречу старых друзей.

Переезд состоялся в конце мая. К этому времени Ната выставила годовые оценки своим оболтусам, а Павел закончил бюрократические формальности с оформлением диплома кандидата исторических наук. Завкафедрой истории России Средневожского педагогического (теперь не института, а университета) его уже ждал.

Они поселились в бабушкиной квартире, с которой в их жизни было так много связано. В школу Ната не захотела идти, и Иван Матвеевич устроил дочку в свой банк операционистом, тем же летом она поступила на заочное отделение финансовой академии.

Ната и Павел встретились с Риммой и Игорем в их большой новой квартире в фешенебельном районе города. Дети сразу пошли в Ксюшину комнату играть в компьютерные игры, а взрослые расселись за большим стеклянным столом, уставленным элитным алкоголем и разными деликатесами. Весь вечер они делали вид, что им легко и весело вместе. Говорили об однокурсниках и преподавателях, перебирали забавные случаи, много смеялись и шутили. Они вспоминали свою юность, обходя самые острые углы, о которых можно было ненароком пораниться: дискуссионный клуб, допросы в КГБ, исключение Павла. В их воспоминаниях не было места разрывам, предательствам и тайным свиданиям, но каждый по отдельности, конечно, помнил всё, и все это понимали.

Расставаясь, бывшие друзья обнимались и целовались, крепко жали друг другу руки на прощанье, обещали снова встретиться – вы мол не пропадайте! – но в таком составе они не встретились больше никогда.

С конца августа Павел вышел на работу в институт, и теперь видел Римму почти ежедневно. Работали они на одном факультете на смежных кафедрах: он – истории России, она – Всеобщей истории.

Павел читал курс «История России XX века». Первую часть. Работа доставляла много радостных переживаний. Больше всего ему нравилось читать лекции и проводить семинары по Гражданской войне – он был в этой области специалистом и охотно делился знаниями со студентами. В восьмидесятые годы, когда Павел не стоял за кафедрой, а сидел на студенческой скамье, историю Гражданской войны им давали очень однобоко – это всегда был взгляд со стороны красных, как будто историки наблюдали за событиями из бронепоезда Троцкого или кабинета Ленина. Павел старался показать объёмную картину Гражданской войны, подробно рассматривал, что происходило и по одну, но и по другую сторону фронта. Он по-настоящему любил свой предмет, серьёзно готовился к каждому занятию и выкладывался на все сто, но встречного энтузиазма студентов не чувствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.